Талантливый мистер Рипли

Автор:
Патриция Хайсмит

Талантливый мистер Рипли

Патриция Хайсмит

Звезды мирового детективаМистер Рипли #1

Том Рипли, молодой человек без определенных занятий, встречает богатого предпринимателя Герберта Гринлифа, который нанимает его для деликатного дела: нужно вернуть его сына Дикки из Италии, где тот пребывает уже достаточно долго, плененный средиземноморским климатом и прелестями своей спутницы. Не без некоторых колебаний Том соглашается. Однако это поручение неожиданно оказывается довольно сложным, потому что Тому тоже очень нравится в Италии. Более того, ему очень нравится тот образ жизни, который ведет Дикки. Все глубже внедряясь в мир Дикки, Том обнаруживает в себе вкус к богатой и изысканной жизни и понимает, что любой ценой должен стать Дикки Гринлифом…

«Талантливый мистер Рипли» – первый роман из серии психологических детективов о Томе Рипли. В 1999 году он был блестяще экранизирован режиссером Энтони Мингеллой, в главных ролях – Мэтт Дэймон, Джуд Лоу, Гвинет Пэлтроу.

Патриция Хайсмит

Талантливый мистер Рипли

Patricia Highsmith

THE TALENTED MR. RIPLEY

First published in 1955

Copyright © 1993 by Diogenes Verlag AG Zurich

All rights reserved

© И. Богданов (наследники), перевод, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Патриция Хайсмит (1921–1995) – признанная королева психологического детектива, вторая после Агаты Кристи, кто оказал колоссальное влияние на становление и развитие жанра. Хайсмит написала более 20 романов и несколько сборников рассказов. Ее произведения отмечены Гран-при французской детективной литературы и Серебряным кинжалом ассоциации детективных писателей Великобритании.

Патриция Хайсмит – рекордсмен по количеству экранизаций. Ее дебютный роман «Незнакомцы в поезде» был экранизирован Альфредом Хичкоком. В Голливуде готовится ремейк фильма: режиссером выступит Дэвид Финчер, а сценаристом – Гиллиан Флинн (автор романа «Исчезнувшая»). Не менее известные романы Хайсмит о мистере Рипли («Талантливый мистер Рипли» и «Игра Рипли») также экранизированы, главные роли в них исполнили звезды мировой величины Мэтт Деймон и Джон Малкович.

Книги Патриции Хайсмит послужили источником вдохновения для целой плеяды талантливых актеров и режиссеров и проложили дорогу таким известным

писательницам в жанре детектива, как Гиллиан Флинн и Пола Хокинс.

Еще никто из писателей в жанре детектива не создавал столь отталкивающего главного героя, как Том Рипли.

Newsday

1

Том оглянулся и увидел мужчину, который вышел из заведения под названием «Зеленая клетка» и направился в его сторону. Том ускорил шаг. Не было никаких сомнений, что мужчина идет за ним. Том обратил на него внимание пять минут назад. Мужчина сидел за столиком и внимательно разглядывал его, будто был не совсем уверен, тот ли он человек, что ему нужен. Потом быстро выпил, расплатился и вышел – Том был убежден, что так оно и было.

На углу Том остановился, затем быстрым шагом перешел Пятую авеню. Он оказался перед входом в другое заведение – «У Рауля». Может, рискнуть – зайти и выпить еще? Бросить, так сказать, вызов судьбе. Или лучше рвануть в сторону Парк-авеню, где можно спрятаться на какой-нибудь темной лестнице?

Он зашел к «Раулю».

Направляясь к свободному месту у стойки бара, он автоматически огляделся – нет ли кого из знакомых. За одним из столиков сидел крупный рыжеволосый мужчина с блондинкой; Том всякий раз забывал, как его зовут. Рыжий махнул ему рукой, и Том вяло его поприветствовал. Он уселся боком на табурет, свесив одну ногу, и с вызывающей небрежностью уставился на входную дверь.

– Джин с тоником, пожалуйста, – сказал он бармену.

Так, значит, вот кого за ним послали. Ни на полицейского, ни на частного сыщика этот человек не похож. Скорее, сотрудник какой-нибудь фирмы, отец семейства, прилично одет, вид сытый, седеющие виски, но в движениях какая-то

неуверенность. Наверное, таким и поручают эти дела. Сначала заведет с тобой в баре разговор, а потом – бах! – одна рука на твоем плече, в другой – полицейский жетон. «Том Рипли, вы арестованы!» Том не спускал глаз с двери.

Вот он вошел. Огляделся, увидел Тома и тотчас отвернулся. Снял соломенную шляпу, сел за стойкой бара, там, где она закругляется.

Черт возьми, что ему нужно? На извращенца он никак не похож, подумал Том. Он мучительно подыскивал это слово и наконец с радостью ухватился за него, будто оно могло чем-то помочь, – уж лучше, чтобы этот человек был извращенцем, чем полицейским. Извращенцу он мог бы просто сказать: «Нет, благодарю вас» – и с улыбкой удалиться. Том взял себя в руки и поудобнее устроился на табурете.

Том увидел, как мужчина дал бармену жестом понять, что ему ничего не нужно, и направился прямо в его сторону. Ну вот! Не двигаясь, Том смотрел на него. Больше десяти лет не дадут, подумал он. Может, и пятнадцать, но при хорошем поведении… В ту минуту, когда мужчин заговорил, Том был на грани срыва.

– Простите, вы Том Рипли?

– Да.

– Меня зовут Герберт Гринлиф. Я отец Ричарда Гринлифа.

Выражение его лица удивило Тома ничуть не меньше, чем если бы мужчина наставил на него пистолет. Лицо было приветливым, мужчина улыбался, и это внушало надежду.

– Вы, кажется, приятель Ричарда?

В голове у Тома начало что-то проясняться. Дикки Гринлиф. Высокий блондин. Том вспомнил этого парня, у которого всегда водились деньжата.

– Дикки Гринлиф, ну конечно!

– Чарльза и Марту Шривер вы тоже должны знать. Это они рассказали мне про вас, о том, что вы могли бы… Может, присядем за столик?

– Хорошо, – с готовностью отозвался Том и взял свой стакан.

Следом за мужчиной он направился к свободному столику в углу небольшого помещения. Приговор отменен, подумал он. Свободен! Никто и не думает его арестовывать. Тут что-то другое. Но что бы там ни было, речь не идет о краже, подделке документов или о чем-то подобном. Возможно, Ричард влип в какую-то историю, и мистеру Гринлифу понадобилась помощь или совет. Том знал, как разговаривать с такими людьми.

– Я не совсем был уверен, что вы и есть Том Рипли, – сказал мистер Гринлиф. – Кажется, я видел вас всего один раз. Вы ведь были вместе с Ричардом у нас дома?

– Вроде был.

– Да и Шриверы рассказали мне, как вы выглядите. Мы все искали вас, потому что Шриверы хотели, чтобы мы встретились у них дома. Кто-то сказал им, что время от времени вы бываете в «Зеленой клетке». Сегодня я впервые попробовал разыскать вас, и, можно сказать, мне повезло.

Он улыбнулся.

– На прошлой неделе я отослал вам письмо, но вы, кажется, его не получили.

– Нет.

Марк не отдает чужие письма, подумал Том. Вот мерзавец. Должно быть, и перевод от тетушки Дотти у него.

– Неделю назад я переехал, – прибавил он.

– Ясно. В том письме я сообщил далеко не все, что собирался. Только то, что хочу с вами встретиться и переговорить. Шриверы убеждены, что вы хорошо знали Ричарда.

– Да, я помню его.

– Но вы ему больше не пишете?

Похоже, он был разочарован.

– Нет. Я уже года два не видел Дикки.

– Он два года как в Европе. Шриверы очень высокого мнения о вас. Они думают, что вы могли бы как-то повлиять на Ричарда, если бы ему написали. Я хочу, чтобы он вернулся домой. У него тут важные дела, а он нас с матерью совершенно не слушается.

Том с удивлением посмотрел на собеседника.

– И что же говорили Шриверы?

– Они говорили – возможно, и преувеличивали немного, – что вы с Ричардом очень близкие друзья. Кажется, они уверены, что вы все это время ему писали. Видите ли, теперь я из друзей Ричарда мало кого знаю…

Он взглянул на стакан Тома с таким видом, будто хотел предложить ему еще выпить, но стакан был почти полон.

Том вспомнил, как они вместе с Дикки ходили к Шриверам на вечеринку. Возможно, Гринлифы знали Шриверов лучше, чем Том, он видел их раза три-четыре, не больше. В последний раз, припомнил Том, он помог Чарли Шриверу рассчитать подоходный налог. Чарли был директором телекомпании, и у него была куча проблем с внештатными бухгалтерами. Чарли решил, что Том гений, раз он смог указать доходы меньше тех, что рассчитал Чарли, притом все было чисто, по закону. Наверное, потому Чарли и рекомендовал его мистеру Гринлифу. Вспомнил тот вечер и, скорее всего, рассказал мистеру Гринлифу, какой Том умница, какая у него светлая голова, какой он щепетильно-честный и что он просто рвется оказывать услуги. Все это было не совсем так.

– Возможно, вы знаете кого-то из знакомых Ричарда, кто мог бы на него повлиять? – жалобным тоном спросил мистер Гринлиф.

Есть еще Бадди Ланкно, подумал Том, но зачем его сюда впутывать?

– Боюсь, что никого, – сказал Том, покачав головой. – А почему Ричард не хочет возвращаться домой?

– Говорит, там ему лучше. А его мать совсем больна… ладно, все это семейные проблемы. Простите, что пристаю к вам со всем этим. – Он нервно провел рукой по своим редким, гладко причесанным седым волосам. – Говорит, занимается живописью. Ничего плохого в этом не вижу, но у него нет таланта художника. А вот проектировать яхты он бы мог, если бы только относился к этому делу серьезно.

Подошедшему официанту он сказал:

– Виски с содовой. Вы как?

– Мне не нужно, спасибо.

Мистер Гринлиф смущенно смотрел на Тома.

– Вы – первый из друзей Ричарда, кто согласился хотя бы выслушать меня. Все другие считают, что я пытаюсь вмешиваться в его жизнь.

Том и без того уже сообразил, что так оно и было.

– Очень хотел бы помочь вам, – вежливо сказал он.

Теперь он вспомнил, что деньги Дикки заработал в судостроительной компании, где строили небольшие яхты. Отец, конечно же, хотел, чтобы сын вернулся домой и взял в свои руки семейную фирму. Том улыбнулся, глядя на мистера Гринлифа, – так, без всякой задней мысли, – и допил свой стакан. Он уже собрался было встать и уйти, но огорчение, исходившее от его собеседника, было ощутимо почти физически.

– А где он живет в Европе? – спросил Том, хотя это было ему все равно.

– В Монджибелло, к югу от Неаполя. Говорит, там даже библиотеки нет. Плавает под парусом и рисует, больше ничего не делает. Купил дом. У Ричарда собственный доход – не бог весть какой, но в Италии жить можно. Каждому свое, но лично мне там бы не понравилось. – Мистер Гринлиф широко улыбнулся. – Может, выпьете чего-нибудь, мистер Рипли? – спросил он, когда официант принес ему виски с содовой.

То?му хотелось уйти, но ему было жаль оставить этого человека одного.

– Пожалуй, выпью, – сказал он и протянул официанту стакан.

– Чарли Шривер говорил мне, что вы имеете отношение к страховому бизнесу, – дружелюбно заговорил мистер Гринлиф.

– Было когда-то. Я… – Меньше всего ему хотелось говорить, что теперь он работает в налоговом ведомстве, по крайней мере не сейчас. – В настоящее время я служу в бухгалтерии рекламного агентства.

– Вот как?

С минуту оба молчали. Мистер Гринлиф выжидающе рассматривал его. О чем еще можно говорить? Том пожалел, что остался.

– А сколько, кстати, Дикки сейчас лет? – спросил он.

– Двадцать пять.

Как и мне, подумал Том. Хорошо ему, наверное, в Италии. Деньги, дом, яхта. Какой смысл возвращаться? Черты лица Дикки все отчетливее всплывали в его памяти: широкая улыбка, светлые вьющиеся волосы, беззаботное лицо. Дикки везло в жизни. Ему тоже двадцать пять, а чем он занимается? Живет от зарплаты до зарплаты, счета в банке нет. Старается избегать встреч с полицейскими. Когда-то у него было призвание к математике. Почему он так и не заработал на этом? Том почувствовал, как напряглись его мышцы, и он принялся нервно разминать пальцы. Как все это надоело, до чертиков! Лучше бы сидел один за стойкой бара.

Том сделал большой глоток.

– Я с удовольствием напишу Дикки, если вы дадите его адрес, – быстро проговорил он. – Надеюсь, он меня не забыл. Помню, как-то мы провели с ним уик-энд на Лонг-Айленде. Насобирали мидий, и все ели их на завтрак. – Том улыбнулся. – Кого-то стошнило, да и вечеринка не удалась. Как раз тогда Дикки сказал, что собирается в Европу. Кажется, вскоре он и уехал…

– Точно! – воскликнул мистер Гринлиф. – Это было как раз перед его отъездом. Да-да, Ричард что-то насчет мидий рассказывал. – Он громко рассмеялся.

– Я несколько раз был у вас, – подхватил Том. – Дикки показывал мне модели яхт, которые стояли в его комнате на столе.

– Это детские поделки! – заулыбался мистер Гринлиф. – А эскизы свои он не показывал? Или чертежи?

Нет, этого не было, но Том радостно согласился:

– Конечно показывал. Нарисованы пером, некоторые просто класс!

Том никогда их не видел, но теперь он хорошо представлял то, о чем шла речь, – подробные чертежи, где помечена каждая гайка, каждый болт. Он ясно видел, как Дикки с улыбкой показывает ему чертежи. Том мог бы несколько минут, на радость мистеру Гринлифу, описывать чертежи в подробностях, но сдержался.

– У него талант, – с довольным видом произнес мистер Гринлиф.

– Точно, – согласился Том.

Ему стало совсем тоскливо. Ему было знакомо это состояние. Иногда он чувствовал себя так на вечеринках, но чаще – когда обедал с тем, с кем обедать и не собирался, а обед все затягивался. Будь это очень нужно, он и сейчас мог бы, наверное, с час распинаться о том о сем, но он знал, что потом что-то взорвется у него внутри и он сорвется из-за стола.

– К сожалению, я не совсем сейчас свободен, а то бы с радостью поехал к Ричарду и попытался уговорить его. Может, что-нибудь и вышло бы, – сказал он лишь потому, что мистер Гринлиф ждал от него каких-то слов.

– Если вы и правда так думаете… но вы ведь не собирались в Европу?

– Нет.

– Ричард всегда прислушивался к мнению своих друзей. Если бы вы или кто-то другой из его знакомых могли взять отпуск, я бы организовал вам поездку. По-моему, в этом гораздо больше толку, чем если бы к нему поехал я. А вам никак не удастся взять отпуск со службы, а?

У Тома екнуло сердце. Он сделал вид, будто погрузился в раздумье. Тут что-то есть. Он интуитивно это чувствовал. Работы у него никакой нет. Да и из города нужно уезжать. Он сам собирался покинуть Нью-Йорк.

– Надо попробовать, – осторожно произнес он, при этом на лице его сохранялось задумчивое выражение, будто он размышлял о том, как обойти все препятствия.

– Если бы вы согласились поехать, я бы с радостью оплатил ваши расходы, об этом нечего и говорить. Вы и правда могли бы съездить? Скажем, осенью?

Была уже середина сентября. На мизинце мистера Гринлифа поблескивала золотая печатка с полустершимся гербом. Том не сводил с нее глаз.

– Пожалуй, мог бы. Был бы рад снова повидаться с Ричардом – тем более если вы считаете, что от меня будет какая-то польза.

– Я действительно так считаю! Он наверняка вас послушает. И к тому же вы не знакомы с ним очень близко… Если вы прямо выскажете ему, почему он должен вернуться домой, он будет знать, что вы не преследуете при этом никаких личных целей.

Мистер Гринлиф откинулся на стуле, с одобрением глядя на Тома.

– Самое смешное, что Джим Бурк с женой – Джим мой партнер – был в прошлом году в круизе и побывал в Монджибелло. Ричард обещал вернуться домой к началу зимы. Прошлой зимы. Джим махнул на него рукой. Разве станет молодой человек двадцати пяти лет слушать шестидесятилетнего старика? Может, вам удастся сделать то, что не удалось нам.

– Надеюсь, так и будет, – скромно сказал Том.

– Выпьете еще? Как насчет хорошего коньяку?

2

Было уже за полночь, когда Том пошел домой. Мистер Гринлиф предложил подбросить его на такси, но Тому не хотелось, чтобы тот видел, что он живет в обшарпанном доме из бурого песчаника между Третьей и Второй улицами, а на нем вывешено объявление: «Сдаются комнаты». Последние две с половиной недели Том квартировал вместе с Бобом Деланси, молодым человеком, которого почти не знал, но Боб был единственным из его друзей и знакомых, кто вызвался найти Тому жилье, когда приютиться ему было негде. Том никогда не приглашал своих приятелей к Бобу и даже не говорил никому, где живет. Жить у Боба было хорошо главным образом потому, что там свободно можно было получать почту на имя Джорджа Макалпина и никто об этом не знал. Но этот вонючий сортир в коридоре, который не закрывался, эта грязная комната, выглядевшая так, будто в ней жила тысяча разных людей, оставивших кучу мусора и не потрудившихся за собой прибрать, эти готовые вот-вот рухнуть стопки журналов «Вог» и «Харперз базар», эти вазы из дымчатого стекла, полные каких-то спутанных веревочек, карандашей, окурков и огрызков! Боб занимался оформлением витрин универсамов, да и то от случая к случаю, а в последнее время его приглашали в антикварные магазины на Третьей авеню, и антиквары вместо денег расплачивались с ним вазами из дымчатого стекла. Тома поначалу шокировала вся эта мерзость, шокировала еще и потому, что он знал: многие его знакомые так живут, но он знал еще и то, что сам здесь долго жить не будет. И тут появился мистер Гринлиф. Раньше или позже всегда кто-нибудь появится. В этом заключалась философия Тома.

Прежде чем подняться на свой этаж, Том остановился и внимательно посмотрел в обе стороны. Пожилая женщина выгуливала собаку, от Третьей авеню, пошатываясь, брел старик. Том терпеть не мог, когда за ним кто-то шел, не важно кто. В последнее время его не покидало ощущение, будто кто-то его преследует. Он взбежал по ступенькам.

Теперь вся эта грязь особенно омерзительна, подумал он, войдя в комнату. Получив паспорт, он отплывет в Европу – быть может, даже в каюте первого класса. Нажмешь на кнопку – и официант принесет чего захочешь. Он будет переодеваться к ужину, небрежно заходить в ресторан и как джентльмен вести разговоры с соседями по столу. С сегодняшним вечером можно себя поздравить, подумал Том. Правильно он себя вел. Мистеру Гринлифу и в голову не пришло, что Том хитростью заполучил приглашение в Европу. Как раз наоборот. Но мистера Гринлифа он не подведет. Сделает все возможное, чтобы разобраться с Дикки. Мистер Гринлиф человек порядочный и не сомневается, что и все другие такие же. Том уже почти забыл, что такие люди есть на свете.

Он медленно снял пиджак и развязал галстук, словно со стороны наблюдая за движениями какого-то чужого человека. Удивительно, как у него распрямились плечи, да и взгляд как-то изменился. Том редко бывал доволен собой. Открыв забитый до отказа шкаф Боба, он с силой принялся раздвигать вешалки, чтобы освободить место для своего костюма. Потом отправился в ванную. Одна струя из проржавевшего душа ударила в занавеску, другая полилась такой замысловатой спиралью, что он с трудом сумел подставить под нее свое тело, но все же это было лучше, чем сидеть в грязной ванне.

Проснувшись на следующее утро, он не увидел Боба. Взглянув на его кровать, Том понял, что Боб вообще не приходил ночевать. Он вскочил с постели, подошел к плитке с двумя горелками, на одну из них поставил кофе. Пожалуй, и хорошо, что Боба в это утро дома не было. Он вовсе не хотел рассказывать ему о своей поездке в Европу. Этот бездельник увидит только одно – поездка-то дармовая. И Эд Мартин, наверное, тоже, и Берт Виссер, да и все другие его приятели. Никому из них ничего не надо рассказывать, никто не будет его провожать. Том принялся насвистывать. Вечером он приглашен на ужин к Гринлифам на Парк-авеню.

Спустя пятнадцать минут, приняв душ, побрившись и облачившись в костюм, повязав полосатый галстук, в котором, как ему казалось, он будет неплохо выглядеть на фотографии в паспорте, Том расхаживал взад-вперед по комнате с

чашкой черного кофе в руке и поджидал утреннюю почту. После того как принесут почту, он пойдет в Рейдио-Сити и займется оформлением паспорта. А что потом? Сходит на какую-нибудь выставку, чтобы было о чем поболтать вечером с Гринлифами? Ознакомится с деятельностью компании «Бурк – Гринлиф Уотеркрафт инкорпорейтед», чтобы дать мистеру Гринлифу понять, что он интересуется его работой?

За окном еле слышно стукнула крышка почтового ящика, и Том спустился вниз. Он подождал, пока почтальон спустится с крыльца и исчезнет из виду, после чего достал из ящика письмо на имя Джорджа Макалпина и вскрыл конверт. Из него выпал чек на сто девятнадцать долларов и пятьдесят четыре цента, который подлежал оплате сборщику налогов. Молодец миссис Эдит У. Суперо! Заплатила без хныканья, даже не позвонила. Добрый знак. Он снова поднялся наверх, разорвал конверт на части и выбросил его в корзину для мусора.

Чек он положил в конверт, который лежал во внутреннем кармане его пиджака в шкафу. Он прикинул в уме, что общая сумма всех чеков составила одну тысячу восемьсот шестьдесят три доллара и четырнадцать центов. Жаль, что их не обналичить. Жаль, что не нашелся еще ни один идиот, который заплатил бы наличными. Жаль, что никто до сих пор не выписал чек на имя Джорджа Макалпина. Том где-то нашел удостоверение банковского курьера с просроченной датой, которую надо было бы исправить. Он, однако, боялся, что с этим удостоверением чек не обналичишь, даже если и приложить к нему поддельную доверенность на любую сумму. Поэтому вся эта затея была просто шуткой, не более. Своего рода развлечением. Денег он ни у кого не крал. «Прежде чем отправиться в Европу, все чеки уничтожу», – решил он.

В его списке было еще семь клиентов. Может, в оставшиеся до отъезда десять дней прощупать еще одного? Накануне, возвращаясь домой после встречи с мистером Гринлифом, он думал о том, что успокоится только после того, как расплатятся миссис Суперо и Карлос де Севилья. Мистер де Севилья до сих пор не заплатил – надо бы строго поговорить с ним по телефону, припугнуть его, подумал Том. С миссис Суперо вышло очень легко, так почему бы не расшевелить еще одного клиента?

Из своего чемодана в шкафу он достал почтовый набор розовато-лилового цвета. В папке лежала почтовая бумага, под ней – бланки налогового ведомства, где он несколько недель назад служил, а на дне – тщательно отобранный им список клиентов. Все они жили в Бронксе и Бруклине и меньше всего на свете хотели

бы лично являться в нью-йоркскую контору. Это были художники, писатели, люди свободных профессий, которые не платили подоходного налога, собираемого путем вычетов из зарплаты, а зарабатывали они от семи до двенадцати тысяч в год. По мысли Тома, такого рода люди не нанимают специалиста для подсчета своих налогов, а денег они зарабатывают достаточно для того, чтобы можно было обвинить их в том, что они ошиблись на двести-триста долларов. В список входили Уильям Дж. Слэттерер, журналист; Филип Робилард, музыкант; Фрида Хен, художник-оформитель; Джозеф Дж. Дженнари, фотограф; Фредерик Реддингтон, художник; Фрэнсис Карнегис… Том решил остановиться на Реддингтоне. Тот рисовал комиксы и наверняка знать не знал, как обстоят его дела.

Том взял два бланка «Извещения об ошибке в расчете налогов», положил между ними копирку и быстро переписал из своего списка данные, приведенные ниже фамилии Реддингтон. Доход: 11 250 долларов. Освобождения от налогообложения: …Удержания: 600 долларов. Кредиты: нет. Денежные переводы: нет. Процент (он задумался на минуту): 2,16 доллара. Баланс: 233,76 доллара. Потом достал из почтового набора лист бумаги с шапкой ведомства, где был указан адрес: Лексингтон-авеню. Том зачеркнул адрес одной косой линией и напечатал ниже на машинке:

«Уважаемый сэр!

Ввиду большого наплыва корреспонденции, поступающей в наш офис на Лексингтон-авеню, просим Вас писать ответ по адресу:

Филиал налогового ведомства.

Для Джорджа Макалпина.

187 Е, 51-я улица. Нью-Йорк 22. Нью-Йорк.

Благодарю Вас.

Ральф Ф. Фишер, директор филиала».

Внизу Том поставил заковыристую неразборчивую подпись. Он спрятал остальные бланки на тот случай, если в комнату вдруг зайдет Боб, и снял трубку. Для начала он решил прощупать мистера Реддингтона. Узнав его телефон в справочной службе, он набрал номер. Мистер Реддингтон был дома. Том кратко объяснил суть дела и выразил удивление по поводу того, что мистер Реддингтон еще не получил уведомление из филиала.

– Оно было отправлено несколько дней назад, – сказал Том. – Завтра вы его точно получите. У нас тут дел по горло.

– Но я заплатил все налоги, – раздался встревоженный голос на другом конце провода. – Мне…

– Всякое бывает, особенно когда зарабатывают, не ходя на службу и не платя подоходный налог с зарплаты. Мы очень тщательно проверили ваши заработки, мистер Реддингтон. Ошибки быть не должно. И нам бы не хотелось применять удержание имущества до уплаты долга – того ли, на кого вы работаете, вашего ли агента или кого другого… – Тут он хихикнул. Дружеский смешок обычно творит чудеса. – Но мы вынуждены будем это сделать, если вы не заплатите долг в течение сорока восьми часов. Мне жаль, что вы еще не получили уведомление. Как я уже говорил, мы довольно…

– А могу я с кем-нибудь поговорить, если сам к вам приду? – раздраженно спросил мистер Реддингтон. – Это же большие деньги!

– Разумеется. – В подобных ситуациях Том обычно переходил на дружелюбный тон. Он заговорил как добродушный старик лет шестидесяти с гаком, который готов терпеливо выслушать мистера Реддингтона, если тот к нему явится, но и цента не уступит, что бы ни говорил мистер Реддингтон и что бы ни доказывал. Между прочим, Джордж Макалпин представляет налоговое ведомство Соединенных Штатов Америки. – Со мной и поговорите, с кем же еще, – с манерной медлительностью проговорил Том, – но ошибки быть никак не может, мистер Реддингтон. Я просто хотел сберечь ваше время. Заходите, если хотите, все бумаги на вас у меня.

Молчание. Про бумаги мистер Реддингтон спрашивать не собирался – наверное, потому, что не знал, с чего начать расспросы. На тот случай, если бы мистер Реддингтон решился спросить у него, в чем дело, Том мог бы порассказать ему о

чистой прибыли в сравнении с нарастающим доходом, о дебетовом сальдо по сравнению со сметой, о процентном доходе по ставке в шесть процентов годовых, накапливающемся от даты налогового начисления до его оплаты по любому балансу, в котором отражен налог на исходную выручку. И все это он мог бы внушать медленно, и остановить его было бы не легче, чем танк «шерман». До сих пор никто еще не настаивал на том, чтобы явиться в офис и выслушать лекцию на ту же тему. Мистер Реддингтон тоже пошел на попятную. Том догадался об этом по наступившему молчанию.

– Ладно, – сказал мистер Реддингтон голосом, в котором прозвучало отчаяние. – Ознакомлюсь завтра с вашим уведомлением, когда получу его.

– Хорошо, мистер Реддингтон, – сказал Том и повесил трубку.

С минуту он сидел и посмеивался про себя, стиснув худые ладони между коленями. Потом вскочил, убрал пишущую машинку Боба, аккуратно причесал перед зеркалом свои светлые волосы и отправился в Рейдио-Сити.

3

– Привет, Том, дружище! – произнес мистер Гринлиф голосом, предвещавшим несколько бокалов мартини, отличный ужин и ночлег на тот случай, если гость притомится настолько, что не сможет идти домой. – Эмили, это Том Рипли!

– Рада вас видеть! – тепло сказала Эмили.

– Добрый вечер, миссис Гринлиф.

Она почти оправдала его ожидания – довольно высокая, стройная блондинка, державшаяся весьма строго и вместе с тем такая же непосредственная и доброжелательная, как и мистер Гринлиф. Да, он раньше бывал здесь с Дикки.

– Мистер Рипли занимается страховым бизнесом, – объявил мистер Гринлиф, и Том подумал, что хозяин либо уже выпил, либо очень нервничает. Накануне вечером Том довольно подробно рассказал ему о рекламном агентстве, в

котором служит.

– Работа не очень-то интересная, – скромно сказал он миссис Гринлиф.

В комнату вошла служанка с подносом мартини и закусками.

– Мистер Рипли уже бывал здесь, – сказал мистер Гринлиф. – Он заходил сюда с Ричардом.

– Вот как? Мне кажется, мы раньше не встречались, – улыбнулась она. – Вы из Нью-Йорка?

– Нет, из Бостона, – ответил Том. Это была правда.

Спустя полчаса – как раз вовремя, отметил про себя Том, потому что Гринлифы все подливали и подливали ему мартини, – они перешли из гостиной в столовую, где был накрыт стол на троих со свечами, громадными темно-синими салфетками и заливным из целой курицы. Но сначала подали celeri remoulade.[1 - Сельдерей под майонезом (фр.). – Здесь и далее примечания переводчика.] Тому это блюдо очень понравилось. Он так и сказал.

– И Ричарду оно нравится! – сказала миссис Гринлиф. – Ему всегда нравилось, как его готовит наша кухарка. Жаль, вы не сможете отвезти ему немного.

– Может, в носки положить? – улыбнувшись, сказал Том, и миссис Гринлиф рассмеялась.

Она уже успела попросить его передать Ричарду черные шерстяные носки от «Братьев Брукс» – Ричард носил только такие.

Беседа была скучная, но ужин роскошный. Отвечая на вопрос миссис Гринлиф, Том рассказал ей, что служит в рекламной фирме, которая называется «Ротенберг, Флеминг и Бартер». Когда речь снова зашла об этой фирме, он умышленно назвал ее «Реддингтон, Флеминг и Паркер». Миссис Гринлиф, кажется, не заметила разницы. Оказавшись после обеда наедине с мистером Гринлифом в гостиной, Том еще раз повторил это название.

– Вы учились в школе в Бостоне? – спросил мистер Гринлиф.

– Нет, сэр. Какое-то время я учился в Принстоне, потом перебрался к другой тетушке в Денвер и посещал там колледж.

Том помолчал, ожидая, что мистер Гринлиф спросит его что-нибудь насчет Принстона, но тот не спросил. Том мог бы поговорить о методике преподавания истории, об университетских ограничениях, о том, какая обстановка царит на танцах во время уик-эндов, о политических симпатиях студенчества, о чем угодно. Прошлым летом Том дружил со студентом предпоследнего курса из Принстона, а тот только о Принстоне и говорил. Тому ничего не оставалось, как выкачивать из него все новые и новые сведения. Он словно предвидел, что когда-нибудь ему все это пригодится. Том рассказал Гринлифам, что воспитывался у тетушки Дотти в Бостоне. Когда ему исполнилось шестнадцать, она отвезла его в Денвер, где он и закончил школу, а у тетушки Би в Денвере снимал комнату молодой человек, студент университета штата Колорадо, которого звали Дон Мизелл. Тому казалось, что он и про этот университет все знает.

– Специализировались в чем-то конкретно? – спросил мистер Гринлиф.

– Разрывался между бухгалтерией и сочинениями по литературе, – с улыбкой ответил Том, зная, что ответ такой скучный, что вряд ли кому-то придет в голову продолжать эту тему.

Миссис Гринлиф принесла альбом, Том подсел к ней на диван и стал рассматривать фотографии. Вот Ричард сделал первый шаг, вот он на отвратительной цветной фотографии во всю страницу в одежде и позе «Голубого мальчика»,[2 - Подразумевается картина английского художника Томаса Гейнсборо «Голубой мальчик» (около 1770 года).] с длинными светлыми кудряшками. Тому фотографии были неинтересны, пока Ричарду не исполнилось лет шестнадцать и он не стал длинноногим стройным юношей с почти прямыми волосами. На взгляд Тома, между шестнадцатью годами и двадцатью тремя или четырьмя, когда были сделаны последние фотографии, Ричард почти не изменился. Том с удивлением отметил, что и его светлая, простодушная улыбка осталась прежней. На фотографиях Ричард не выглядел слишком умным, или же ему казалось, что лучше всего он выглядит, когда у него рот до ушей, что опять же не говорило о большом уме.

– А эти я еще не успела приклеить, – сказала миссис Гринлиф, протягивая ему пачку фотографий. – Сняты в Европе.

Эти фотографии были поинтереснее: Дикки в Париже, в помещении, похожем на кафе, Дикки на пляже. На некоторых снимках он хмурился.

– А это, кстати, Монджибелло, – сказала миссис Гринлиф, показывая фотографию, где Дикки тащил по песку лодку с веслами. На заднем плане возвышались скалистые горы, вдоль берега выстроились белые домики. – А девушка – единственная там американка.

– Мардж Шервуд, – сказал мистер Гринлиф. Он расположился напротив, но, вытянув шею, внимательно следил за показом фотографий.

Девушка в купальнике сидела на пляже, обхватив руками колени. Цветущий вид, невинный взгляд, короткие светлые волосы взъерошены – просто милашка. В пачке была удачная фотография Ричарда, сидевшего на парапете террасы. Он улыбался, но это была уже не та улыбка. На европейских снимках Ричард выглядел более уверенным.

Том заметил, что миссис Гринлиф не поднимает глаз от ковра, лежавшего перед ней на полу. Он вспомнил, как за столом она сказала: «Лучше бы я не слышала про эту Европу!» – а мистер Гринлиф при этом встревоженно на нее взглянул, после чего она улыбнулась ему, будто такие сцены уже происходили раньше. Том увидел в ее глазах слезы. Мистер Гринлиф поднялся и подошел к ней.

– Миссис Гринлиф, – ласково произнес Том, – хочу, чтобы вы знали: я сделаю все, что смогу, чтобы Дикки вернулся домой.

– Помоги вам Господь, Том. – Она сжала его руку.

– А тебе не пора спать, Эмили? – спросил мистер Гринлиф, склонившись над ней.

Миссис Гринлиф поднялась, то же самое сделал и Том.

– Надеюсь, до отъезда вы нас еще навестите, Том, – сказала она. – После того как Ричард уехал, у нас редко бывают молодые люди. А мне их так не хватает.

– С удовольствием приду, – отвечал Том.

Мистер Гринлиф вышел вместе с ней из комнаты. Том остался стоять, опустив руки по швам и подняв подбородок. Он увидел себя в большом зеркале на стене: все тот же самоуверенный молодой человек, – и быстро отвернулся. Он все правильно делает и ведет себя правильно. И все же что-то не давало ему покоя. Когда он только что сказал миссис Гринлиф: «Я сделаю все, что смогу»… да, он от души это сказал. И обманывать никого не собирался.

Он почувствовал, что покрывается потом, и постарался расслабиться. Что его так беспокоит? Он ведь отлично себя чувствовал весь вечер! Когда он рассказывал о тетушке Дотти…

Том посмотрел на дверь, но дверь не открывалась. Впервые за вечер он почувствовал себя не в своей тарелке. Ему стало не по себе, будто он солгал, а ведь на самом деле только это и было правдой из всего, что он сказал: «Мои родители умерли, когда я был совсем маленьким. Меня воспитала тетушка в Бостоне».

В комнату вошел мистер Гринлиф. Казалось, он был взволнован. Том сощурился, внезапно почувствовав, что боится его. У него появилось желание первым перейти в нападение, прежде чем нападут на него.

– А не отведать ли нам коньяку? – спросил мистер Гринлиф, открывая шкафчик возле камина.

«Как в кино», – подумал Том. Через минуту мистер Гринлиф или кто-то другой воскликнет: «Отлично, снято!» – и он снова очутится «У Рауля» с джином и тоником. Нет, в «Зеленой клетке».

– Думаете, хватит? – спросил мистер Гринлиф. – Как душе угодно.

Том едва заметно кивнул. Мистер Гринлиф с минуту раздумывал, потом налил обоим коньяку.

Тома охватил холодный страх. Он вспомнил о происшествии, приключившемся в аптеке на прошлой неделе. Хотя все уже давно кончилось и он, в общем-то,

ничуть не боится, по крайней мере сейчас… На Второй авеню есть аптека; номер ее телефона он давал людям, которые во что бы то ни стало хотели ему перезвонить по поводу своих подоходных налогов. Он говорил, что это телефон филиала и застать его там можно с половины четвертого до четырех по средам и пятницам. В это время Том держался поближе к телефонной будке, установленной в аптеке, и ждал, когда раздастся звонок. Когда он крутился вокруг будки во второй раз, кто-то из продавцов подозрительно посмотрел на него. Том сказал, что ждет звонка от подружки. В прошлую пятницу он снял трубку, и мужской голос произнес: «По-моему, тебе должно быть ясно, что к чему. Мы знаем, где ты живешь, и если ты очень хочешь, чтобы мы к тебе пришли… У тебя есть что-то для нас, но и мы для тебя кое-что припасли». Голос настойчивый и вместе с тем неуловимый. Том подумал даже, что это шутка, и не нашелся, что ответить. Потом прозвучало: «Слушай-ка, да мы прямо сейчас к тебе явимся. Домой».

Том вышел из будки: ноги казались ватными. Продавец смотрел на него, широко раскрыв глаза; в них застыл ужас. Ситуация тотчас разъяснилась: в аптеке приторговывали наркотиками и продавец решил, что Том – полицейский и пришел изымать у него товар. Том, нервно посмеиваясь, вышел из аптеки и побрел пошатываясь, потому что ноги от страха его не слушались.

– Думаете о Европе? – услышал он голос мистера Гринлифа.

Том взял протянутый ему бокал.

– Да, – ответил он.

– Уверен, что поездка вам понравится. Дай бог, и на Ричарда вы повлияете. Кстати, Эмили вы пришлись по душе. Она мне сама только что это сказала, я ее не спрашивал. – Мистер Гринлиф стиснул бокал двумя руками. – У моей жены лейкемия, Том.

– Это ведь очень серьезно?

– Да. Вряд ли она проживет больше года.

– Мне очень жаль, – сказал Том.

Мистер Гринлиф достал из кармана лист бумаги.

– Вот пароходное расписание. Быстрее всего добираться обычным маршрутом на Шербур, да так и интереснее. Оттуда доедете до Парижа поездом, согласованным с пароходным расписанием, а там пересядете на ночной поезд, который доставит вас через Альпы в Рим и Неаполь.

– Я так и сделаю.

Том ощутил легкое возбуждение.

– Из Неаполя доберетесь на автобусе до деревни, где живет Ричард. Я напишу ему про вас, но не скажу, что вы мой посланник, – улыбнувшись, прибавил он. – Сообщу только, что мы встречались. Ричард должен вас где-нибудь разместить, но если это почему-либо ему не удастся, там есть гостиницы. Надеюсь, вы с ним поладите. Что касается денег… – Мистер Гринлиф улыбнулся по-отцовски. – Я дам вам шестьсот долларов чеками, не считая расходов на дорогу. Вас это устроит? Шестьсот долларов вам хватит, чтобы прожить два месяца, а если вам понадобится еще, телеграфируйте мне, мой мальчик. По-моему, вы не из тех молодых людей, которые швыряют деньги на ветер.

– Этого вполне достаточно, сэр.

От коньяка мистер Гринлиф заметно ожил и повеселел, а Том все больше замыкался в себе и мрачнел. Ему хотелось быстрее покинуть эту квартиру, но еще больше – съездить в Европу и заслужить одобрение мистера Гринлифа. Когда он сидел на диване, им овладела такая же тоска, как и тогда в баре; оттого что атмосферу бара он сменил на домашнюю обстановку, перемены в его настроении не произошло. Том несколько раз поднимался с бокалом в руке, подходил к камину и возвращался обратно. Глядя на свое отражение в зеркале, он видел, что губы его плотно сжаты.

Мистер Гринлиф между тем рассказывал о том, как они с Ричардом ездили в Париж, когда Ричарду было десять лет. Ничего интересного Том не услышал. Если в ближайшие десять дней будут неприятности с полицией, думал он, мистер Гринлиф сможет приютить его. Он скажет, что пришлось срочно сдать квартиру или что-нибудь в этом роде, и спрячется здесь. Том чувствовал, что ему просто физически нехорошо.

– Мне, пожалуй, пора, мистер Гринлиф.

– Уже? Но я еще не показал вам… ну да ладно. В другой раз.

Тому, конечно же, надо было спросить: «Не показали чего?» – и набраться терпения, пока ему будут что-то там показывать, но он не смог задать этот вопрос.

– Разумеется, мне бы хотелось, чтобы вы побывали на верфи, – бодрым голосом проговорил мистер Гринлиф. – Когда бы вы могли выбраться? Только в обед, наверное? По-моему, вам нужно обязательно там побывать, чтобы рассказать Ричарду, какая у нас нынче верфь.

– Да… в обед я, пожалуй бы, смог.

– Позвоните мне в любой день, Том. У вас есть моя карточка с номером домашнего телефона. Если позвоните за полчаса, я пришлю за вами человека на машине. На ходу что-нибудь перекусим, а потом он отвезет вас назад.

– Я позвоню, – сказал Том.

Он боялся, что его стошнит, если он пробудет еще минуту в этом тускло освещенном помещении. Мистер Гринлиф беззаботно переключился на другую тему и спросил у Тома, читал ли он такую-то книгу Генри Джеймса.

– Мне жаль, сэр, но не читал, эту точно нет, – ответил Том.

– Ладно, это не важно, – улыбнулся мистер Гринлиф.

Они пожали друг другу руки – рукопожатие мистера Гринлифа было долгим и крепким, – и наконец все было кончено. Но и спускаясь в лифте, Том видел на своем отраженном в зеркале лице страдание и страх. Он в изнеможении забился в угол кабины, он знал только одно: как только лифт доберется до первого этажа, он выскочит на улицу и побежит не останавливаясь домой.

День проходил за днем, атмосфера в городе становилась все более странной. Казалось, что-то ушло из Нью-Йорка – то ли его реальность, то ли смысл – и город, будто специально для Тома, устраивал шоу, грандиозное шоу с автобусами, такси, торопливо шагающими по тротуарам прохожими, телевизионными представлениями во всех барах на Третьей авеню, светящимися среди бела дня рекламами кинофильмов и звуковыми эффектами, создаваемыми тысячами автомобильных гудков и бессмысленных голосов людей. Наверное, когда пароход отчалит от пирса в субботу, Нью-Йорк мигом рухнет, как декорации на сцене.

А может, он просто боится. Он ненавидел воду. До сих пор Том почти не путешествовал морем, если не считать того раза, когда плыл из Нью-Йорка в Новый Орлеан и обратно, но тогда он работал на судне, перевозящем бананы, и почти не выходил на палубу, так что и не успел толком почувствовать, что плыл по воде. На палубу он выходил всего несколько раз. Увидев воду, он испугался, потом его чуть не стошнило, и он старался больше не покидать трюм, где ему было лучше, хотя все считали иначе. Его родители утонули в Бостонской бухте, и Тому казалось, что здесь есть какая-то связь, потому что, сколько он себя помнил, он всегда боялся воды, а плавать так и не научился. Ему становилось не по себе при мысли о том, что не пройдет и недели, как под ним будет вода глубиною в несколько миль, и бо?льшую часть времени ему придется смотреть на нее, поскольку пассажиры на океанских лайнерах в основном проводят время на палубе. Том понимал, что когда тебя тошнит – это не очень-то культурно. Он никогда не страдал морской болезнью, но в последние дни несколько раз был близок к тому, что его чуть не стошнило при одной лишь мысли о плавании в Шербур.

Бобу Деланси он сказал, что через неделю переезжает, но не сказал куда. Да Бобу это и неинтересно. В доме на Пятьдесят первой улице они виделись нечасто. Том сходил к Марку Прайминджеру на Сорок пятой улице – ключи от дома у него еще были, – чтобы забрать кое-какие вещи, и отправился туда в такой час, когда Марка не должно было быть дома, а тут Марк явился со своим новым соседом, Джоулом, тощим некрасивым парнем, работавшим в каком-то издательстве, и Марк выдал в своем стиле, чтобы покрасоваться перед Джоулом: «Разумеется, делай что хочешь», а ведь не будь там Джоула, Марк набросился бы на него со словами, к которым даже португальские матросы не часто прибегают. Марк (при рождении – подумать только! – его назвали Марселлусом)

был препротивным типом. У него водились деньжата, и его хобби было вызволять молодых людей из временных финансовых затруднений. Разыгрывая роль покровителя, он позволял им жить в своем двухэтажном доме с тремя спальнями и развлекался тем, что говорил им, что там можно делать, а чего нельзя, советовал, как жить, где работать, – да от таких советов просто тошнит. Том жил там три месяца, причем половину этого времени Марк находился во Флориде, и он был предоставлен самому себе, но, вернувшись, Марк поднял жуткий скандал из-за того, что разбилось несколько стекляшек, – он снова вошел в роль покровителя, этакого строгого отца. Том разозлился и, решив постоять за себя, отвечал ему в том же тоне. После чего Марк вышвырнул его, взяв шестьдесят три доллара за разбитые стекляшки. Старый жмот! Быть бы ему старой девой, думал Том, и заправлять в женском лицее. Том горько жалел, что Марк Прайминджер вообще ему на глаза попался, и чем быстрее он забудет глупые свинячьи глазки Марка, его квадратный подбородок, безобразные руки с нанизанными на пальцы безвкусными кольцами (требуя от окружавших то того, то другого, он имел обыкновение размахивать руками), тем лучше.

Из всех своих приятелей он одной только Клио хотел рассказать о поездке в Европу. В четверг, накануне отплытия, Том к ней и отправился. Клио Добелл была стройной темноволосой девушкой, которой можно было дать от двадцати трех до тридцати лет, – Том так толком и не знал, сколько ей. Она жила с родителями на Грейси-сквер и немножко рисовала – ну очень немножко, покрывая рисунками кусочки слоновой кости размером с почтовую марку, так что рассматривать нарисованное приходилось с помощью увеличительного стекла. Клио и сама пользовалась увеличительным стеклом, когда рисовала. «Ты только подумай, как это удобно: все мои картины можно носить в коробке для сигар! Другим художникам, чтобы развесить свои холсты, сколько нужно стен!» – говорила Клио. У нее была комната с маленькой ванной и кухней в дальнем конце родительской квартиры, там было довольно темно, потому что окна выходили в небольшой двор, где рос заслонявший свет китайский ясень. У Клио в комнате были включены светильники, горевшие тускло: в какое время дня ни придешь, там царил полуночный мрак. На Клио всегда, кроме того вечера, когда он с ней познакомился, были облегающие слаксы разных цветов и веселенькие полосатые шелковые рубашки. Они понравились друг другу с первой встречи, и уже назавтра Клио пригласила его к себе домой на ужин. Клио то и дело приглашала его домой, и как-то само собой подразумевалось, что сам он не будет приглашать ее ни на ужин, ни в театр и не станет делать с ней ничего такого, что обыкновенно ожидают от молодых людей. Приходя к ней на ужин или на коктейль, он не приносил ей ни цветов, ни книг, ни сладостей – этого от него и не ждали, – но иногда дарил ей какой-нибудь маленький

подарок, потому что ей это очень нравилось. Клио была единственным человеком, которому он мог рассказать, что едет в Европу и почему туда едет. И он рассказал.

Клио пришла в восхищение. Том этого ожидал. На ее продолговатом бледном лице раздвинулись накрашенные губы, она хлопнула себя по затянутым в вельвет бедрам и воскликнула:

– Томми! Как это… как это замечательно! Как в пьесе Шекспира!

Том и сам так думал. Он ждал, что именно это кто-то ему и скажет.

Клио суетилась вокруг него весь вечер, спрашивая, все ли у него есть для поездки, взял ли он бумажные носовые платки, таблетки от простуды, шерстяные носки – ведь в Европе осенью начинаются дожди, – сделал ли прививки. Том ответил, что к путешествию готов.

– Только не приходи меня провожать, Клио. Не хочу, чтобы меня провожали.

– Конечно нет! – сказала Клио. Она прекрасно его понимала. – Ах, Томми, это так здорово! Напишешь мне, как там у тебя с Дикки? Ты единственный из моих знакомых, который едет в Европу по делам.

Том рассказал ей о своем посещении верфи мистера Гринлифа на Лонг-Айленде. На мили тянулись столы с оборудованием, на которых изготавливали сверкающие металлические части, полировали и покрывали лаком деревянные панели, в сухих доках находились лодочные каркасы всех размеров. Он поразил ее знанием терминов, заимствованных у мистера Гринлифа, – комингс, бархоут, кильсон, острая скула. Рассказал о том, как ужинал у мистера Гринлифа во второй раз и как ему подарили наручные часы. Он показал Клио часы – не то чтобы безумно дорогие, но именно такие Том и сам бы себе купил: обыкновенный белый циферблат с тонкими черными римскими цифрами, в простом золотом футляре, с ремешком из крокодиловой кожи.

– А все потому, что несколько дней назад я обмолвился, что у меня нет часов, – сказал Том. – Он относится ко мне как к сыну.

Об этом он тоже мог сказать только Клио.

Клио вздохнула.

– Везет вам, мужчинам! С девушками такого никогда не случается. Мужчины такие свободные!

Том улыбнулся. Ему-то казалось, что все как раз наоборот.

– Не у тебя ли там отбивные подгорели?

Клио вскрикнула и выбежала из комнаты.

После ужина она показала ему пять-шесть своих последних работ – два романтических портрета молодого человека в белой рубашке с расстегнутым воротом, которого оба они знали, три воображаемых пейзажа, похожих на джунгли, хотя на самом деле это был вид из окна на китайский ясень. Том подумал, что шерсть обезьянок выписана просто удивительно. У Клио было несколько кисточек всего с одним волоском, причем бывали волоски довольно грубые, а бывали тончайшие. Они выпили почти две бутылки медока[3 - Сорт красного вина.] из родительских запасов, и Тому так захотелось спать, что он готов был всю ночь провести на полу, – они часто лежали рядом на двух больших медвежьих шкурах перед камином. Помимо всего прочего, ему нравилось в Клио то, что она не позволяла приставать к ней, да он и не приставал. Без четверти двенадцать Том заставил себя подняться.

– Я тебя больше не увижу? – печально спросила она у дверей.

– Вернусь месяца через полтора, – ответил Том, хотя сам так вовсе не думал. Неожиданно он наклонился к ней и запечатлел крепкий братский поцелуй на ее щеке цвета слоновой кости. – Я буду скучать по тебе, Клио.

Она стиснула ему плечо; еще ни разу, сколько он помнил, она не прикасалась к нему.

– Я тоже, – сказала она.

На следующий день по поручению миссис Гринлиф он отправился к «Братьям Брукс», чтобы купить дюжину черных шерстяных носков и халат. Насчет цвета халата миссис Гринлиф ничего не сказала, положившись на его вкус. Том выбрал фланелевый халат каштанового цвета с темно-синим поясом и лацканами. По мнению Тома, в наличии имелись халаты и получше, но ему показалось, что именно такой выбрал бы Ричард и что Ричард будет им доволен. Он попросил выписать Гринлифам счет за носки и халат. То?му очень понравилась льняная спортивная рубашка с деревянными пуговицами; ее тоже можно было вписать в счет Гринлифов, но он не стал этого делать, а купил за свои деньги.

5

Утром, в день отплытия – он с таким нетерпением ждал этого утра! – случилось нечто кошмарное. Том шел вслед за стюардом к своей каюте, поздравляя себя с тем, что был прав, проявив твердость и высказав Бобу нежелание видеть его среди провожающих, но не успел войти в каюту, как его оглушил грохот голосов:

– А где же шампанское, Том? Мы ждем шампанское!

– Ну и вонючая же у тебя каюта! Тебе придется попросить что-нибудь поприличнее.

Они все оказались тут, все самые мерзкие приятели Боба, – лежали на койке Тома, на полу – всюду. Боб разузнал, что он уплывает, но Том и представить себе не мог, что тот способен на такое. Тому стоило больших усилий не произнести ледяным тоном: «Шампанского не будет». Он сделал вид, что рад всех видеть, попытался улыбнуться и, однако же, едва не расплакался, как ребенок. Он смерил Боба долгим уничтожающим взглядом, но тому было все равно – он уже успел что-то принять. «Я терпеливый человек, – думал в свое оправдание Том, – но когда неожиданно устраивают вот такой базар, это просто ужасно». Он уже радовался, что все эти подонки, мерзавцы, разгильдяи остались где-то далеко позади, по ту сторону сходни, а они гадят тут в каюте, в которой ему предстоит провести ближайшие пять дней!

Том подошел к Полу Хаббарду, единственному из присутствующих, которого он уважал, и уселся рядом с ним на встроенном диванчике.

– Привет, Пол, – тихо произнес он. – Сожалею, что так вышло.

– Да ладно тебе, – усмехнулся Пол. – Сколько времени тебя не будет? Да что с тобой, Том? Тебя тошнит?

Это было ужасно. Шумное веселье продолжалось, смех не унимался, девушки проверяли, как застелена койка, заглядывали в гальюн. Слава богу, что Гринлифы не пришли его провожать! Мистеру Гринлифу пришлось отправиться по делам в Новый Орлеан, а миссис Гринлиф, когда Том позвонил ей утром, чтобы попрощаться, сказала, что не очень хорошо себя чувствует и проводить его не сможет.

Наконец то ли Боб, то ли кто-то другой достал бутылку виски. В ванной нашли два стакана и принялись по очереди из них пить, а потом стюард принес на подносе еще несколько стаканов. Том пить отказался. Он так сильно вспотел, что снял пиджак, чтобы его не испортить. Боб подошел к нему и заставил взять стакан. Том видел, что Боб не шутит, и знал почему – потому что он целый месяц пользовался гостеприимством Боба и мог бы изобразить на лице что-нибудь более подобающее, нежели каменное выражение. Даже если все они его ненавидят, то что, собственно, он от этого потерял?

– Можно, я здесь останусь, Томми? – спросила одна из девушек, решительно настраиваясь на то, чтобы отправиться вместе с ним. Она втиснулась в шкафчик размером с чулан, в которых обычно хранят швабры.

– Хотел бы я видеть, как Тома застукают в каюте с девчонкой! – рассмеялся Эд Мартин.

Том с ненавистью посмотрел на него.

– Пойдем подышим свежим воздухом, – пробормотал он Полу.

Все так шумели, никто и внимания не обратил на то, что они уходят. Они вышли на корму и облокотились о перила. Небо было покрыто облаками. Город, лежавший справа, казался растворившимся в дымке – будто смотришь на него издалека, из океанских просторов, а взглянуть на него из каюты он еще не успел, потому что ее занимали эти мерзавцы.

– Где ты был все это время? – спросил Пол. – Эд позвонил мне и сказал, что ты уезжаешь. Я тебя несколько недель не видел.

Пол, как и многие, думал, что Том работает в Ассошиэйтед Пресс. Том сочинил красивую историю о том, что его посылают в командировку, возможно на Ближний Восток. В подробности он не вдавался.

– В последнее время я много работал по ночам, – ответил Том, – потому и не показывался. Спасибо, что пришел меня проводить.

– У меня сегодня нет занятий. – Пол вынул трубку изо рта и улыбнулся. – Это вовсе не значит, что в противном случае я бы не пришел. Уважительную причину найти нетрудно.

Том улыбнулся. Пол подрабатывал учителем музыки в нью-йоркском женском лицее, а все остальное время занимался сочинительством. Том не помнил, как познакомился с ним, но помнил, как однажды ходил с кем-то на обед в его квартиру на Риверсайд-драйв и Пол играл тогда на рояле свои вещи, которые Тому очень понравились.

– Может, выпьешь чего-нибудь? – спросил Том. – Давай поищем, где тут бар.

Но в эту минуту стюард ударил в гонг и прокричал:

– Провожающие – на берег! Все провожающие – на берег!

– Это относится ко мне, – сказал Пол.

Они обменялись рукопожатием, похлопали друг друга по плечу и дали обещание посылать друг другу открытки, после чего Пол ушел.

Шайка Боба останется до последней минуты, думал Том. Наверное, придется их выгонять. Неожиданно он развернулся и, увидев узкую лестницу, взбежал по ней. Наверху путь ему преградила висевшая на цепочке табличка: «Каюты второго класса», но он перешагнул через нее и ступил на палубу. Не станут же они препятствовать пассажиру первого класса, решившему прогуляться по палубе, где размещаются каюты второго класса, подумал он. Шайку Боба он

видеть не мог. Он заплатил Бобу за квартиру за полмесяца и подарил ему на прощание рубашку и галстук. Что ему еще нужно?

Пароход уже отчалил, когда Том спустился наконец в каюту. Он осторожно вошел. Пусто. Койка аккуратно застелена голубым покрывалом. Пепельницы чистые. Казалось, тут вообще никого не было. Том расслабился и улыбнулся. Вот это обслуживание! Старые английские морские традиции, изысканный уровень компании «Кьюнард лайн»! Том увидел на полу возле койки большую корзину с фруктами, схватил лежавший на ней белый конверт и с нетерпением распечатал его. На листке бумаги было написано:

«Том, счастливого путешествия, и да хранит Вас Господь!

С наилучшими пожеланиями,

Эмили и Герберт Гринлиф».

Корзина с длинной ручкой была завернута в желтый целлофан. В ней лежали яблоки, груши, виноград, две плитки шоколада и несколько шкаликов с ликером. Том никогда в жизни не получал в дорогу такой корзины. Раньше он видел их в витринах магазинов. Они стоили огромных денег, и ему было смешно, когда он смотрел на них. Теперь же он почувствовал, как на глаза его наворачиваются слезы. Том закрыл лицо руками и неожиданно разрыдался.

6

Том чувствовал себя покойно и умиротворенно, но к общению не стремился. Ему хотелось поразмышлять, и он вовсе не собирался знакомиться с кем-либо из пассажиров, вообще ни с кем, хотя, встречаясь со своими соседями по обеденному столу, вежливо с ними здоровался и улыбался. У него на пароходе уже появилась своя роль – серьезный молодой человек, направляющийся на выполнение серьезной задачи. Он был учтив, уравновешен, воспитан и погружен в себя.

Ему вдруг захотелось иметь кепку, и он купил себе в пароходном магазинчике голубовато-серую кепку из мягкой английской шерсти. Подремывая в шезлонге на палубе или делая вид, что дремлет, он надвигал козырек так, что тот закрывал ему почти все лицо. Кепка – самый универсальный головной убор, думал он. Непонятно, почему у него раньше не было кепки? В ней можно сойти за провинциального джентльмена, разбойника, англичанина, француза, а то и за чудака-американца – все зависит от того, как ее надеть. Том развлекался, примеряя ее так и этак перед зеркалом в каюте. Ему всегда казалось, что более унылого лица, чем у него, на свете не бывает. Такие лица легко и навсегда забываются. На нем было выражение покорности, чего Том не мог понять, и едва заметного испуга, не покидавшего его, несмотря на все усилия. Лицо настоящего конформиста, думал он. Кепка все изменила. Он сделался похожим на провинциала из Гринвича, штат Коннектикут. Теперь он стал молодым человеком, зарабатывающим самостоятельно, недавно окончившим, скажем, Принстон. К кепке идет трубка. Он купил и трубку.

Том начинал новую жизнь. Прощайте, второсортные людишки, с которыми он раньше имел дело и которым в последние три года в Нью-Йорке позволял иметь дело с собой. Он чувствовал себя так, как, по его мнению, чувствуют себя иммигранты, которые бросают на родине все – друзей, связи, неудачи – и отправляются в Америку. Все начинается сначала! Чем бы ни закончилась история с Дикки, он выполнит то, что обещал, и мистер Гринлиф будет уважать Тома. Когда деньги мистера Гринлифа кончатся, он, возможно, и не вернется в Америку. Найдет интересную работу в гостинице, где потребуется сообразительный и общительный человек, говорящий по-английски. Или станет представителем какой-нибудь европейской фирмы и будет ездить по всему миру. Или кому-то понадобится молодой человек вроде него, умеющий водить машину, в ладах с цифрами, способный занять старую бабушку и пригласить на танец чью-то дочь. Он все умеет, а мир такой огромный! Он дал себе слово, что не упустит работу, если она ему подвернется. Терпение и настойчивость! Вперед, и только вперед!

– У вас есть «Послы» Генри Джеймса? – спросил Том в библиотеке, обслуживавшей пассажиров первого класса. На полке он эту книгу не нашел.

– К сожалению, нет, – ответил дежурный стюард.

Том был разочарован. Именно про эту книгу мистер Гринлиф спрашивал, читал ли он ее. Том решил ее прочесть. Он отправился в библиотеку для пассажиров

второго класса и нашел нужную книгу на полке, но когда стал записываться и назвал номер каюты, стюард сказал ему: «Извините, пассажирам первого класса не разрешается брать книги из библиотеки второго класса». Этого Том и боялся. Он послушно поставил книгу на место, хотя вполне мог взять ее с полки и засунуть себе под пиджак.

По утрам Том делал несколько кругов по палубе, но шел очень медленно, так что те, кто совершал утренний променад, обгоняли его два, а то и три раза, прежде чем он успевал сделать один круг. Потом усаживался в шезлонг, пил бульон и вновь размышлял о собственной судьбе. После завтрака он слонялся по каюте, наслаждаясь одиночеством и комфортом, и совершенно ничего не делал. Иногда он сидел в каюте, отведенной для писания писем, и тщательно обдумывал послания Марку Прайминджеру, Клио, Гринлифам. Письмо Гринлифам начиналось с вежливого приветствия и признательности за корзину в дорогу, затем он благодарил их за удобную каюту, после чего прибавил написанный как бы позднее рассказ о том, как он нашел Дикки, как живет в его доме в Монджибелло, как медленно, но верно уговаривает Дикки вернуться домой, как они купаются, ловят рыбу, ходят в кафе. Он так увлекся, что исписал страниц восемь или десять. Он знал, что не отправит это письмо, поэтому написал и о том, что Дикки не испытывает по отношению к Мардж романтических чувств (он подробно описал характер Мардж), так что его удерживает вовсе не Мардж, как думала миссис Гринлиф, и так далее и тому подобное. Он писал до тех пор, пока не завалил весь стол листами бумаги и пока не прозвенел гонг к обеду.

В другой раз он написал вежливое письмо тетушке Дотти:

«Дорогая тетушка, – (иногда он называл ее так в письме, но при встречах – никогда), – как видишь, я пишу тебе на бланке пароходной компании, из чего ты можешь заключить, что я далеко в море. Мне неожиданно поступило деловое предложение, о котором сейчас распространяться не буду. Пришлось срочно отбыть, поэтому в Бостоне я побывать не успел, о чем очень жалею, потому что вернусь назад только через несколько месяцев, а то и лет.

Прошу тебя, не волнуйся и не присылай мне больше переводов. Большое спасибо за последний перевод, который я получил около месяца назад. Надеюсь, с того времени ты мне больше ничего не посылала. Я здоров и очень счастлив.

С любовью,

Том».

Нет смысла желать ей здоровья. Она здорова как бык.

Потом он приписал:

«P. S. Не знаю, какой у меня будет адрес, поэтому пока не даю никакого».

Теперь ему стало лучше: он отрезал ее от себя. Да и нужно ли сообщать ей, где он? Больше не будет фальшивых издевательских писем, не будет лицемерных сравнений с отцом, не будет пустячных переводов на странные суммы вроде шести долларов сорока восьми центов и двенадцати долларов девяноста пяти центов, как будто у нее осталась сдача после оплаты счетов или она швыряла деньги как подачку. Если подумать, сколько тетя Дотти, с ее-то доходом, могла бы ему высылать, то эти переводы – просто оскорбление. По словам тети Дотти, на воспитание Тома ушло больше, чем его отец оставил по страховке. Возможно, и так, но зачем же без конца тыкать этим в лицо? Разве это гуманно? Куча тетушек и даже посторонних людей воспитывают ребенка просто так и почитают это за счастье.

Написав письмо тете Дотти, Том поднялся и прошелся по палубе, чтобы только что пережитое выветрилось. Он сердился каждый раз, когда писал ей. На любезности с его стороны она могла не рассчитывать. Однако до сих пор он сообщал ей, где находится, потому что нуждался в ее пустячных переводах. Ему пришлось написать тете Дотти дюжину писем, в которых он извещал ее о перемене своего адреса. Но больше ее деньги ему не нужны. Он навсегда избавился от их зависимости.

Неожиданно Том вспомнил летний день, когда ему было лет двенадцать. Вместе с тетей Дотти и ее приятельницей они ехали куда-то на автомобиле и попали в пробку. Стоял жаркий летний день, и тетя Дотти послала его с термосом на заправочную станцию, чтобы взять там льда, как вдруг машины поехали. Том вспомнил, как бежал между огромными, медленно двигавшимися автомобилями, готовый вот-вот схватиться за ручку дверцы машины, в которой сидела тетя

Дотти, и не в силах был это сделать, потому что машина двигалась с такой же скоростью, с какой он бежал, а тетя не собиралась ждать и минуты. Она кричала из окна: «Ну же, копуша, ну!» Когда он наконец уцепился за дверцу и со слезами отчаяния и обиды забрался в машину, она весело сказала приятельнице: «Какой неженка! Такого воспитали. Весь в отца!» Удивительно, как он вообще выжил после такого обращения. И почему, кстати, тетя Дотти считает его отца неженкой? Есть ли у нее хотя бы одно доказательство того, что он был неженкой? Конечно нет.

Лежа в шезлонге и ощущая умиротворение от окружавшей его роскошной обстановки и великолепной еды, Том попытался объективно разобраться в своей жизни. Последние четыре года по большей части прошли впустую, тут возразить нечего. Несколько случайных работ, долгие неприятные периоды вообще без работы, с сопутствующей депрессией из-за отсутствия денег, а потом – знакомство с глупыми, бестолковыми людьми, затевавшееся лишь для того, чтобы избежать одиночества, или же потому, что они, как Марк Прайминджер, могли временно чем-то ему помочь. Таким прошлым гордиться невозможно, особенно учитывая то, что в Нью-Йорк он прибыл с самыми честолюбивыми намерениями. Когда-то он хотел стать актером, хотя в двадцать лет не имел ни малейшего представления о поджидающих человека на этом пути трудностях, о том, что необходима специальная подготовка, не говоря уже о таланте. Ему казалось, что как раз талант-то у него есть и нужно лишь сыграть продюсеру несколько скетчей для одного актера – например, про миссис Рузвельт, описывающую в своей колонке[4 - Элеонора Рузвельт, супруга президента США Франклина Рузвельта, вела в одной из газет колонку под названием «Мой день».] день, проведенный в клинике для незамужних матерей, – но первые три отказа лишили его и смелости, и всякой надежды. Денег у него не было, поэтому он устроился на судно; работа была хороша тем, что он, по крайней мере, мог покинуть Нью-Йорк. Том боялся, что, разыскивая его в Нью-Йорке, тетя Дотти звонила в полицию, хотя ничего плохого он в Бостоне не сделал – просто сбежал, чтобы начать самостоятельную жизнь, как делали до него миллионы молодых людей.

Главная ошибка Тома состояла в том, что он никогда не держался за работу, например за место бухгалтера в универсаме. Из этого могло бы выйти что-нибудь путное, если бы черепашьи темпы, с какими работники универсама получали повышение по службе, окончательно не вывели его из себя. Наверное, в какой-то степени и тетя Дотти виновата в том, что ему недоставало упорства. Когда он был моложе, она никогда не хвалила его за успехи – например, за отосланное в тринадцатилетнем возрасте сочинение в газету. Газета наградила

его серебряной медалью за «учтивость, трудолюбие и надежность». Вспоминая то время, он как будто видел не себя, а кого-то другого – сопливый мальчишка, кожа да кости; у него постоянно текло из носа, но медаль за учтивость, трудолюбие и надежность он все-таки получил. Тетя Дотти терпеть не могла, когда у него текло из носа; она немедленно доставала платок и вытирала сопли, чуть не выворачивая ему при этом нос.

Тома передернуло при этом воспоминании; он переменил позу, но постарался сделать это так, чтобы на брюках не появилось лишних складок.

Он вспомнил, как в восьмилетнем возрасте дал клятву сбежать от тети Дотти; в его воображении возникали жуткие сцены: тетя Дотти пытается удержать его в доме, он бьет ее кулаками; она падает на пол, он принимается ее душить; он срывает с ее платья брошь и миллион раз пронзает ей горло булавкой. Сбежал он в семнадцать лет, но был пойман; в двадцать он повторил попытку, на этот раз удачно. Удивительно – да и жаль, – каким он был наивным, как мало знал об окружающем его мире. Похоже, он так сильно ненавидел тетю Дотти и столько раздумывал о том, как бы сбежать от нее, что у него не оставалось времени на то, чтобы расти и набираться знаний. Он вспомнил, каково ему было в тот раз, когда в первый месяц пребывания в Нью-Йорке его уволили со склада. Он и двух недель не проработал, потому что у него не было сил по восемь часов в день таскать ящики с апельсинами, и тем не менее он держался за эту работу и делал все, что мог, пока не надорвался. Когда его уволили, он думал о том, как это несправедливо. Тогда он решил, что в мире полным-полно Саймонов Легри[5 - Саймон Легри – в романе Г. Э. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» – рабовладелец, забивший плетьми негра Тома.] и что нужно быть сильным, как горилла, вроде его напарников по складу, иначе умрешь с голоду. Он вспомнил, как вскоре украл в булочной буханку хлеба и дома съел ее целиком, думая о том, что мир задолжал ему не только эту буханку, но и много чего еще.

– Мистер Рипли? – Над ним склонилась англичанка, с которой он накануне сидел на диване в гостиной и пил чай. – Не желаете ли сыграть с нами в бридж? Мы начнем минут через пятнадцать.

Том приподнялся и вежливо ответил:

– Весьма вам благодарен, но я бы хотел побыть на свежем воздухе. К тому же я не очень хорошо играю в бридж.

– Мы тоже! Ну да ладно, в другой раз. – Англичанка улыбнулась и удалилась.

Том снова откинулся в шезлонге, надвинул кепку на глаза и сложил руки на животе. Он понимал, что пассажиры не могли не судачить насчет того, что он все время держится в стороне. Он так и не танцевал ни с одной из этих глупых девиц, которые с надеждой смотрели на него и хихикали на ежевечерних танцах после ужина. Наверняка про него говорили: «Американец? Кажется, да, хотя ведет он себя совсем не по-американски. Американцы такие шумные. А он невероятно спокойный, да и больше двадцати трех ему не дашь. У него, надо полагать, на уме что-то серьезное».

Да, серьезное. Настоящее и будущее Тома Рипли – это серьезно.

7

Париж он видел только из подсвеченного рекламой окна кафе железнодорожной станции; с тента над входом в кафе сбегали струйки дождя; вместе с вынесенными на улицу столиками и живой изгородью все это напоминало иллюстрацию к туристскому путеводителю; потом были длинные платформы, по которым он шел следом за невысокими, кряжистыми носильщиками в синей форме, переносившими его багаж; наконец он оказался в спальном вагоне поезда, который направлялся в Рим. В Париж он еще вернется, подумал Том. Сейчас главное – добраться до Монджибелло.

Проснувшись на следующее утро, он уже был в Италии. Утром произошло нечто весьма приятное. Том любовался пейзажем за окном, когда услышал в разговоре итальянцев, стоявших в коридоре напротив его купе, слово «Пиза». Город проплывал с другой стороны поезда. Том вышел в коридор, чтобы лучше разглядеть его, и принялся машинально искать Пизанскую башню, хотя не был уверен, что этот город – Пиза и что эту башню можно увидеть из окна поезда, и, однако же, он ее увидел! Толстая белая башня возвышалась над низкими, словно мелом выкрашенными домиками, из которых и состоял город, и она падала, притом падала под углом, показавшимся ему невероятным! Угол падения Пизанской башни всегда казался ему преувеличенным. Он увидел в этом благоприятный знак: в Италии все будет так, как он хочет, все будет хорошо и у него, и у Дикки.

Во второй половине дня он прибыл в Неаполь. Автобус в Монджибелло отправлялся только на следующий день, в одиннадцать утра. Юноша лет шестнадцати, в грязной рубашке, замызганных штанах и солдатских ботинках, привязался к нему на железнодорожной станции, когда он менял деньги, и принялся что-то ему предлагать – то ли девушек, то ли наркотики. Не обращая внимания на возражения Тома, он уселся вместе с ним в такси и, сказав водителю, куда ехать, продолжал тараторить на своем языке. Время от времени он поднимал кверху палец, будто давая понять: все будет устроено в лучшем виде, сами увидите. Том сдался. Он с мрачным видом забился в угол, сложив руки на груди. Наконец такси остановилось перед большой гостиницей с видом на залив. Том не решился бы остановиться в таком шикарном отеле, если бы мистер Гринлиф не оплачивал его счета.

– «Санта Лючия»! – восторженно воскликнул юноша, указывая в сторону моря.

Том кивнул. В конце концов, юноша не хотел ничего плохого. Том расплатился с шофером и дал юноше купюру в сто лир, что, по его расчетам, составляло шестнадцать центов – приличные чаевые для Италии, если верить газетной статье, которую он читал на пароходе. Юноша выказал явное неудовольствие, и Том добавил еще сотню, а поскольку тот по-прежнему был недоволен, отмахнулся от него и направился в гостиницу вслед за подхватившими его багаж носильщиками.

Вечером Том ужинал в ресторане на воде под названием «Тетушка Тереза», который порекомендовал ему администратор гостиницы, говоривший по-английски. Трудности начались с меню. На первое ему принесли крошечных осьминогов, таких фиолетовых, что стало страшно: казалось, их приготовили в чернилах, которыми было написано меню. Он попробовал кончик одного щупальца; тот оказался до отвращения жестким, словно хрящ. Выбор второго блюда также оказался ошибкой. Ему принесли жареную рыбу нескольких сортов на деревянной тарелке. Том ожидал, что на третье будет десерт, но ему подали пару красноватых рыбок. Ах, Неаполь! Ну да ладно, еда – не самое главное. Вино настроило его на благодушный лад. Слева от него, высоко в небе, над неровным горбом Везувия плыл полумесяц. Том безмятежно взирал на гору, будто видел ее уже тысячу раз. Где-то там, за Везувием, находилась деревня Ричарда.

На следующее утро он сел на одиннадцатичасовой автобус. Дорога шла вдоль берега и проходила через несколько городков, где автобус делал короткие

остановки: Торре-дель-Греко, Торре-Аннунчиата, Кастелламаре, Сорренто. Всякий раз, когда водитель выкрикивал название городка, Том напрягал слух. От Сорренто тянулась узкая дорога через скалистые горы, которые Том видел на фотографиях у Гринлифов. Внизу мелькали деревушки, раскинувшиеся вдоль моря, дома были похожи на крошки пшеничного хлеба, а головы людей, купавшихся возле берега, казались точками. Посреди дороги лежал валун, скатившийся, очевидно, с горы. Шофер небрежно его объехал.

– Монджибелло!

Том вскочил и принялся стаскивать с полки свой чемодан. На крыше был еще один чемодан, который ему достал мальчик, сопровождавший автобус в качестве помощника. Автобус отъехал, а он остался один у обочины с чемоданами. Повсюду были беспорядочно разбросаны дома – и на склоне горы, уходившем вверх, и на склоне, спускавшемся от дороги вниз; Том видел их черепичные крыши на фоне синего моря. Не спуская глаз с чемоданов, Том вошел в небольшой дом на той стороне дороги с вывеской «Posta».[6 - «Почта» (ит.).] Том спросил у мужчины, сидевшего за стеклянной стойкой, где дом Ричарда Гринлифа. Он невольно задал вопрос по-английски, но мужчина, кажется, понял его, потому что вышел за дверь, показал в ту сторону дороги, откуда Том приехал на автобусе и, полагая, что это поможет, добавил по-итальянски, как туда добраться:

– Sempre seenestra, seenestra![7 - Все время вле-е-е-во, вле-е-е-во! (ит.)]

Том поблагодарил его и спросил, нельзя ли оставить на какое-то время на почте два чемодана. Мужчина, похоже, и это понял и помог Тому внести чемоданы.

По дороге он еще дважды спросил, где дом Ричарда Гринлифа. Видимо, этот дом знали все: третий человек указал на большое двухэтажное строение с железными воротами со стороны дороги и террасой, выступавшей над обрывом. Том позвонил в металлический колокольчик. Из дома, вытирая руки о фартук, вышла итальянка.

– Мистер Гринлиф? – с надеждой спросил Том.

Женщина, улыбаясь, долго отвечала ему по-итальянски. Указав в сторону моря, она несколько раз повторила одно и то же слово.

Том кивнул.

– Grazie.[8 - Спасибо (ит.).]

Как лучше – пойти на пляж в чем есть или оставить одежду и надеть шорты? А может, подождать до вечера, когда здесь пьют чай или коктейль? Или сначала позвонить Ричарду? Шорты он с собой не захватил, придется купить здесь. Том зашел в лавку возле почты, где в одном из крошечных окошков продавались рубашки и шорты и, перемерив несколько пар шорт, которые ему не подходили или, лучше сказать, не подходили в качестве принадлежности для купания, приобрел черно-желтые плавки, размером чуть больше набедренной повязки. Он аккуратно завернул свою одежду в плащ и босиком вышел было за дверь, но тут же попятился назад. Булыжники оказались горячими, как угли.

– Башмаки? Сандалии? – спросил Том у продавца.

Обувь здесь не продавали.

Том снова надел ботинки и пошел к почте, чтобы оставить там одежду и чемоданы, но дверь оказалась заперта. Он слышал, что такое в Европе бывает: магазины и разные заведения закрываются в полдень до четырех с чем-то. Тогда он пошел обратно по каменистой тропинке, которая, судя по всему, вела к пляжу. Том сошел по дюжине крутых каменных ступеней, спустился мимо лавок и домов еще по одному каменистому склону, опять сошел по ступенькам и наконец оказался на широкой площадке, чуть возвышавшейся над пляжем; на ней была пара кафе и ресторан со столиками под открытым небом. Бронзовые от загара юноши-итальянцы, сидевшие на деревянных скамьях, проводили его внимательными взглядами. Ему было неловко оттого, что на нем тяжелые коричневые ботинки, а кожа белая как бумага. Этим летом он еще ни разу не был на пляже. Он ненавидел пляжи. На песке были устроены деревянные мостки; Том знал, что и по ним черта с два пройдешь, такие они горячие, – загорающие лежали на полотенцах, кто на чем, – но он все же снял ботинки и какое-то время постоял на горячей доске, рассматривая лежащих рядом людей. Никто из них не был похож на Ричарда, тех же, что находились подальше, он не мог толком разглядеть из-за марева, волнами расходившегося в воздухе. Том дотронулся ногой до песка и тотчас ее отдернул. Потом набрал полную грудь воздуха и побежал – сначала по мосткам, потом по песку и, когда его ноги погрузились в холодную воду, испытал блаженство. Дальше он побрел вдоль

берега по воде.

Том увидел его издалека – Дикки, какие могут быть сомнения: коричневый от загара, а вьющиеся светлые волосы стали еще светлее, чем тогда, когда Том видел его в последний раз. Рядом с ним была Мардж.

– Дикки Гринлиф? – улыбаясь, спросил Том.

Дикки посмотрел на него:

– Кто вы?

– Меня зовут Том Рипли. Мы несколько лет назад встречались в Штатах. Помнишь?

У Дикки было озадаченное выражение лица.

– Твой отец должен был написать обо мне.

– Ах да! – стукнул себя по лбу Дикки, словно вспомнив что-то. Он поднялся. – Как, ты сказал, твоя фамилия?

– Рипли.

– Это Мардж Шервуд, – сказал Дикки. – Мардж, это Том Рипли.

– Здравствуйте, – сказал Том.

– Здравствуйте.

– На сколько ты сюда приехал? – спросил Дикки.

– Еще не знаю, – ответил Том. – Только что прибыл. Надо бы осмотреться.

Дикки внимательно разглядывал его – не очень-то одобрительно, отметил Том. Дикки сложил руки на груди, его худые, коричневые от загара ноги ушли в

песок, что, похоже, ничуть его не беспокоило. Том успел снова надеть ботинки.

– Собираешься снять дом? – спросил Дикки.

– Не знаю, – нерешительно ответил Том, будто уже задумывался об этом.

– Сейчас самое время выбирать, если хочешь остаться на зиму, – сказала девушка. – Летние туристы почти все разъехались. Нам бы здесь зимой не помешали несколько американцев по соседству.

Дикки промолчал. Он уселся на большое полотенце рядом с девушкой, и Тому показалось, что он только того и ждет, чтобы Том попрощался и шел дальше по своим делам. У Тома было такое чувство, будто он гол, как новорожденный. Он терпеть не мог появляться на людях в плавках, тем более в таких, как эти. Том достал пачку сигарет из кармана завернутого в плащ пиджака. Дикки взял предложенную ему сигарету, девушка отказалась. Том дал ему прикурить от своей зажигалки.

– Кажется, ты не помнишь меня по Нью-Йорку, – сказал Том.

– Сказать правду, нет, – ответил Дикки. – Где мы могли встречаться?

– Возможно, у Бадди Ланкно. – Это было не так, но он знал, что Дикки знаком с Бадди Ланкно, а Бадди вполне достойный человек.

– Ну да, – неуверенно поддакнул Дикки. – Извини. Я начинаю забывать Америку.

– Это точно, – пришла ему на помощь Мардж. – С памятью у него все хуже и хуже. А когда ты сюда приехал, Том?

– Всего час назад. Успел только забросить чемоданы на почту. – Он рассмеялся.

– Может, присядешь? Вот еще одно полотенце. – Мардж расстелила на песке рядом с собой белое полотенце поменьше.

Том с благодарностью принял ее приглашение.

– Пойду освежусь, – поднимаясь, сказал Дикки.

– Я тоже! – сказала Мардж. – А ты, Том?

Том пошел за ними. Дикки и девушка заплыли довольно далеко – оба были великолепными пловцами, – а Том поплескался возле берега и вышел из воды гораздо раньше их. Когда Дикки и девушка вернулись к полотенцам, Дикки сказал, будто по подсказке девушки:

– Мы уходим. Не заглянешь ли к нам, заодно и позавтракаем?

– Да-да, большое спасибо.

Он помог им собрать полотенца, очки от солнца и итальянские газеты.

Тому казалось, что они никогда не доберутся до места. Он шел следом за Дикки и Мардж, медленно, но упрямо преодолевая бесчисленные каменные ступени, иногда по две сразу. Солнце лишило Тома сил. Ноги у него дрожали. Плечи порозовели, и он прикрыл их рубашкой. Солнечные лучи жгли затылок, голова кружилась, его подташнивало.

– Нелегко? – спросила Мардж. Дыхание у нее было абсолютно ровное. – Ничего, поживешь здесь – ко всему привыкнешь. Знал бы ты, каково тут в июле, в самое пекло.

У Тома не нашлось сил что-либо ответить.

Через пятнадцать минут ему стало лучше. Он принял холодный душ и устроился на террасе Дикки на плетеном стуле с бокалом мартини в руке. По предложению Мардж он снова надел плавки, но накинул на плечи рубашку. Пока он принимал душ, стол накрыли на троих. Мардж была на кухне, где разговаривала по-итальянски с прислугой. Интересно, Мардж тоже здесь живет? – подумал Том. Дом довольно большой. Мебели немного. Том отметил приятное сочетание итальянского античного стиля и американской богемы. В холле висели два подлинных рисунка Пикассо.

Мардж вышла на террасу с бокалом мартини.

– Вон там мой дом, – показала она. – Видишь? Белое квадратное здание. Крыша красная, немного потемнее, чем у соседних домов.

Отличить ее дом от других Том не смог, но сделал вид, будто увидел его.

– Ты давно здесь?

– Год. С прошлой зимы. Вот это была зима! За три месяца всего один день не шел дождь.

– Правда?

– Угу. – Мардж отпила мартини и с довольным видом окинула взглядом деревушку. Она снова надела свой красный купальник, а поверх него набросила полосатую рубашку. Недурна, подумал Том, и фигура, в общем, ничего – для тех, кто любит поплотнее. Ему такие фигуры не нравились.

– Кажется, у Дикки есть яхта? – спросил Том.

– Да, «Пипи». От слова «pipistrello».[9 - Летучая мышь (ит.).] Хочешь взглянуть?

Она указала на что-то трудно различимое на небольшом пирсе, который был виден с края террасы. Все лодки напоминали одна другую, но яхта Мардж и Дикки выделялась своим размером, и у нее было две мачты.

Появился Дикки. Он налил себе коктейль из стоявшего на столе кувшина. На нем были плохо выглаженные парусиновые брюки и терракотовая льняная рубашка цвета его кожи.

– Извини, придется пить безо льда. У меня нет холодильника.

Том улыбнулся:

– Я привез тебе халат. Твоя мать сказала, что он тебе понадобится. И носки.

– Ты знаком с моей матерью?

– Перед отъездом из Нью-Йорка я познакомился с твоим отцом, и он пригласил меня отобедать.

– И как мама?

– Без конца хлопотала в тот вечер. По-моему, она быстро устает.

Дикки кивнул.

– Я получил письмо на этой неделе, из которого понял, что ей лучше. Резкого ухудшения ведь нет, как, по-твоему?

– Вроде нет. Несколько недель назад твой отец беспокоился больше. – Поколебавшись, Том добавил: – Он беспокоится также по поводу того, что ты не возвращаешься.

– Герберта всегда что-то беспокоит, – сказал Дикки.

Из кухни вышла Мардж с прислугой. Они несли дымящееся блюдо со спагетти, большую миску с салатом и тарелку с хлебом. Дикки заговорил с Мардж о расширении какого-то ресторана на пляже. Его владелец собирался увеличить размеры террасы, чтобы больше людей могло танцевать. Они обсуждали эту тему подробно, неторопливо, как это делают жители небольшого городка, которых интересует буквально все, что происходит по соседству. Присоединиться к разговору Том никак не мог.

От нечего делать он стал рассматривать кольца Дикки. Оба ему понравились: большой прямоугольный зеленый камень, оправленный в золото, на безымянном пальце правой руки и печатка на мизинце левой. Печатка была побольше и поизысканнее, чем у мистера Гринлифа. У Дикки были длинные худые пальцы. «Прямо как у меня», – подумал Том.

– Между прочим, твой отец показал мне верфь Бурка – Гринлифа, – сказал Том. – Он говорил, что по сравнению с тем, что ты видел в последний раз, там много нового. На меня верфь произвела впечатление.

– Он тебе, наверное, и работу предлагал. Ему нужны многообещающие молодые люди. – Дикки накрутил на вилку аккуратный пучок спагетти и отправил в рот.

– Нет, не предлагал.

Том почувствовал, что разговор принял плохой оборот. Уж не дал ли мистер Гринлиф Дикки знать, что Том приедет читать ему наставления о возвращении домой? Или Дикки просто в дурном настроении? Он явно изменился с той поры, когда они виделись в последний раз.

Дикки принес сверкающую кофеварку высотой в два фута и включил ее. Спустя несколько минут появились четыре маленькие чашки кофе, одну из которых Мардж отнесла на кухню прислуге.

– В какой гостинице ты остановился? – спросила Мардж у Тома.

Том улыбнулся.

– Пока ни в какой. А какую бы ты посоветовала?

– Лучше всех – «Мирамаре». Это ближе отсюда, чем «Джорджо». «Джорджо» – тоже здешняя гостиница, но…

– Говорят, у «Джорджо» в постелях водятся pulci, – прервал ее Дикки.

– По-итальянски это «блохи», – серьезно продолжала Мардж, – но обслуживание там…

– Никакое, – бросил Дикки.

– У тебя сегодня, кажется, отличное настроение? – сказала Мардж, обращаясь к Дикки, и бросила в него маленький кусочек горгонзолы.[10 - Горгонзола – сорт овечьего сыра.]

– В таком случае остановлюсь в «Мирамаре», – поднимаясь, сказал Том. – Мне пора.

Ни Дикки, ни Мардж не стали его отговаривать. Дикки проводил Тома до ворот. Мардж осталась в доме. Похоже, подумал Том, что они состоят в той faute de mieux[11 - За неимением лучшего (фр.).] связи, которую со стороны и не видно, потому что у партнеров пропал интерес друг к другу. Тому показалось, что Мардж влюблена в Дикки, но Дикки относится к ней не лучше, чем к пятидесятилетней прислуге-итальянке.

– Я бы хотел когда-нибудь взглянуть на твои картины, – сказал Том Дикки.

– Конечно. Надеюсь, мы еще увидимся, если ты здесь останешься. – Тому показалось, что Дикки прибавил это только потому, что вспомнил про привезенный ему халат и носки.

– Я отлично позавтракал. До свиданья, Дикки.

– До свиданья.

Железная калитка с лязгом захлопнулась.

8

Том снял номер в «Мирамаре». Было четыре часа, когда он забрал на почте чемоданы. У него уже не было сил, чтобы повесить свой лучший костюм на вешалку, и он повалился на кровать. Голоса болтавших под окном итальянских мальчишек звучали настолько отчетливо, будто они находились в комнате, а нахальные смешки одного из них, перемежаемые скороговоркой, выводили Тома из себя. Он подумал было, уж не обсуждают ли они его поход к синьору Гринлифу и не высказывают ли нелестные предположения насчет того, как дальше развернутся события.

Что он будет здесь делать? Друзей у него нет, по-итальянски он не говорит. А что, если он заболеет? Кто будет за ним ухаживать?

Том встал, чувствуя, что его сейчас стошнит, но по комнате пошел медленно, потому что точно знал, когда тошнота подступит к горлу, и был уверен, что

успеет добраться до ванны. В ванной остался весь завтрак, а заодно, как ему показалось, и рыба из Неаполя. Он снова лег на кровать и тотчас заснул.

Проснувшись, Том ощутил невероятную слабость и упадок сил. По-прежнему светило солнце. Его новые часы показывали половину шестого. Он подошел к окну и выглянул из него, машинально высматривая большой дом Дикки и выступающую террасу среди розовых и белых домов, которые точками усеивали склон перед ним. Он увидел массивную балюстраду красноватого цвета. Интересно, Мардж все еще там? Может, они о нем говорят? Он услышал, как среди уличного шума раздался чей-то громкий смех, а потом донеслась фраза, произнесенная на английском языке. И тут же он заметил Дикки и Мардж, показавшихся между двумя домами на главной дороге. Они свернули за угол, и Том перешел к другому окну, чтобы их увидеть. Со стороны гостиницы была небольшая улочка, прямо под его окном, по ней и пошли Дикки и Мардж. На нем были белые брюки и рубашка терракотового цвета, она была в юбке и блузке. Наверное, домой заходила, решил Том. А может, ей было во что переодеться у Дикки. Возле деревянного пирса Дикки перебросился несколькими словами с итальянцем, дал ему денег, после чего итальянец приложился к кепке и отвязал от пирса яхту. Том наблюдал за тем, как Дикки и Мардж садятся на яхту, как поднимают белый парус. Слева, позади них, в воду опускалось оранжевое солнце. Том слышал, как смеется Мардж, а Дикки что-то кричит в сторону пирса по-итальянски. Том понял, что это их обычный день – сиеста после позднего обеда, прогулка на яхте Дикки перед заходом солнца, аперитив в одном из пляжных кафе. Самый обычный день, а Тома будто и не существовало. Зачем Дикки возвращаться к подземкам, такси, накрахмаленным воротничкам и работе с девяти до пяти? Или даже к лимузину с шофером и отпуску во Флориде или в штате Мэн? Не лучше ли плавать под парусом в поношенной одежде и не давать никому отчета о том, как проводишь время; не лучше ли иметь свой дом, вышколенную прислугу, которая, надо полагать, избавляла его от всех хлопот? И на путешествия у него деньги были. Том позавидовал ему, а себя ему стало жалко.

Том подумал, что отец Дикки, наверное, сообщил в своем письме нечто такое, что настроило Дикки против него. Было бы гораздо лучше, если бы он просто познакомился с Дикки в одном из кафе на пляже. Тогда он сумел бы в конце концов уговорить Дикки вернуться домой, теперь же браться за это дело было бессмысленно. Том проклинал себя за то, что оказался в этот день таким тупоголовым и несообразительным. И вообще, стоит ему взяться за что-то с серьезными намерениями – и у него ничего из этого не выходит.

Ладно, пусть пройдет несколько дней, думал он. Прежде всего нужно понравиться Дикки. Этого он хотел больше всего на свете.

9

Том выждал три дня. На четвертый день около полудня он отправился на пляж. Дикки был один, на том же месте, где Том встретил его в первый раз, рядом с серыми скалами, тянувшимися вдоль пляжа.

– Доброе утро! – крикнул Том. – А где Мардж?

– Доброе утро. Наверное, еще работает. Скоро придет.

– Работает?

– Она писательница.

– Да ну?

В уголке рта Дикки дымилась итальянская сигарета.

– Где ты был все это время? Я уж подумал, что ты уехал.

– Приболел, – небрежно произнес Том и бросил свое свернутое полотенце на песок, но поодаль от полотенца Дикки.

– С животом проблемы?

– Метался между жизнью и ванной, – улыбнувшись, ответил Том. – Но теперь все в порядке.

Вообще-то, он был настолько слаб, что с трудом вышел из гостиницы. Все эти дни он ползал по полу своей комнаты вслед за проникавшими в окно лучами солнца, и все для того, чтобы не быть таким бледным, когда в следующий раз

придет на пляж. А остатки сил отдал штудированию разговорника итальянского языка, который купил в вестибюле гостиницы.

Том пошел искупаться. Он уверенно вошел в воду до пояса, остановился и обрызгал плечи. Потом присел, пока вода не достигла подбородка, поплавал немного и медленно вышел.

– Могу я пригласить тебя в гостиницу выпить чего-нибудь, прежде чем ты пойдешь домой? – спросил Том. – И Мардж, разумеется, если она придет. Я бы хотел отдать тебе халат и носки.

– Да-да, большое спасибо. С удовольствием выпью. – Он снова углубился в итальянскую газету.

Том вытянулся на полотенце. Вскоре он услышал, как часы где-то в деревне бьют час.

– Пожалуй, Мардж не придет, – сказал Дикки. – Думаю, нам можно идти.

Том поднялся, и они пошли к «Мирамаре». По дороге они почти не разговаривали. Том предложил Дикки вместе позавтракать, но Дикки отказался: как он сказал, прислуга приготовила ему завтрак дома. Они поднялись в комнату Тома. Дикки примерил халат и прикинул носки на голые ноги. И халат, и носки были его размера, и, как и ожидал Том, Дикки остался чрезвычайно доволен халатом.

– Вот еще кое-что, – сказал Том, вынимая из ящика квадратный пакетик, завернутый в бумагу, в какую в аптеке заворачивают лекарства. – Твоя мать прислала капли в нос.

Дикки улыбнулся.

– Они мне больше не нужны. У меня было воспаление лобных пазух. Но я все равно их возьму.

Ну вот, он отдал Дикки все, а от предложения выпить Дикки наверняка откажется, думал Том. Он проводил гостя до двери.

– Твой отец очень переживает по поводу того, что ты не возвращаешься домой. Он просил меня попытаться уговорить тебя. Делать я этого, конечно, не стану, но что-то ведь надо будет сказать. Я пообещал ему написать.

Дикки повернулся, держась за дверную ручку.

– Не знаю, чем, он думает, я тут занимаюсь – спиваюсь или еще что-нибудь в этом духе. Возможно, я и слетаю этой зимой домой на несколько дней, но оставаться там не собираюсь. Здесь мне лучше. Если я вернусь, отец заставит меня работать на верфи и заниматься живописью я уже не смогу. А я люблю это дело и предпочитаю жить так, как хочу.

– Понимаю. Но он сказал, что, когда ты вернешься, он не будет заставлять тебя работать в его фирме, если ты сам не захочешь работать в проектном отделе, а это, как он говорил, как раз то, что тебе нравится.

– Ну… мы с отцом обо всем этом уже говорили. Спасибо, Том, за то, что привез известия и одежду. Очень любезно с твоей стороны. – Дикки протянул руку.

Том не смог пожать протянутую ему руку. Это означало бы неудачу – неудачу с поручением мистера Гринлифа и неудачу с Дикки.

– Я должен еще кое-что тебе сообщить, – с улыбкой проговорил он. – Твой отец специально послал меня сюда, чтобы уговорить тебя вернуться домой.

– Что ты хочешь этим сказать? – нахмурился Дикки. – Он что, оплатил тебе дорогу?

– Да. – Это был последний шанс либо заинтересовать Дикки, либо оттолкнуть его, либо заставить рассмеяться, либо вынудить его с отвращением хлопнуть дверью. Но на лице Дикки вдруг появилась улыбка, уголки рта стали подниматься – Том вспомнил, что раньше Дикки улыбался именно так.

– Оплатил дорогу? Ну и ну! С ума он там, что ли, сошел?

Дикки закрыл дверь.

– Мы познакомились в баре в Нью-Йорке, – сказал Том. – Я объяснил ему, что у нас с тобой шапочное знакомство, но он почему-то решил, что, приехав сюда, я смогу помочь. Я согласился.

– Как он нашел тебя?

– Через Шриверов. Я этих Шриверов почти не знаю, но какое это имеет значение? Тебя-то я знаю, а значит, могу тебе помочь.

Они рассмеялись.

– Не хочу, чтобы ты подумал, будто я использовал твоего отца, – сказал Том. – Надеюсь скоро найти где-нибудь в Европе работу и вернуть ему деньги. Он оплатил мне билет в оба конца.

– А, не бери в голову! За билет заплатит фирма «Бурк—Гринлиф». Интересно, как это папа подошел к тебе в баре? Где это было?

– «У Рауля». Вообще-то, он шел за мной от «Зеленой клетки».

Том думал, что Дикки знает о «Зеленой клетке», очень популярном баре, но выражение его лица оставалось равнодушным.

Они выпили в гостиничном баре за Герберта Ричарда Гринлифа.

– Мне только что пришло в голову, что сегодня воскресенье, – сказал Дикки. – Мардж сегодня в церкви. Приходи к нам, вместе пообедаем. По воскресеньям у нас всегда курица. Старый американский обычай – курица по воскресеньям.

По дороге Дикки решил заглянуть к Мардж, не дома ли она. Они свернули с главной улицы, поднялись по склону вдоль каменной стены, прошли чей-то сад и снова поднялись по ступенькам. Мардж жила в довольно неприглядном одноэтажном строении с неухоженным садом перед ним. Возле входа валялись пара ведер и шланг, а о том, что здесь живет женщина, напоминал красный купальник, сушившийся на подоконнике. Заглянув в открытое окно, Том увидел на заваленном бумагами столе пишущую машинку.

– Привет! – сказала Мардж, открывая дверь. – Здравствуй, Том! Где ты был все это время?

Она предложила им выпить, но в бутылке джина оказалось совсем на донышке.

– Ладно, все равно идем ко мне, – сказал Дикки.

Он прошелся по ее гостиной, служившей заодно и спальней, с видом завсегдатая, будто и сам здесь иногда жил. Наклонившись над горшком, в котором произрастало какое-то крошечное растение, он нежно дотронулся до него указательным пальцем.

– Том может рассказать тебе кое-что смешное, – сказал он. – Расскажи-ка, Том.

Том стал рассказывать. Рассказ получился очень смешным. Мардж смеялась так, будто ей уже давно не было так весело.

– Когда я увидел, что он идет за мной к «Раулю», я хотел смыться через заднюю дверь!

Казалось, его язык говорил независимо от сознания, а сознание в этот момент было занято тем, что оценивало, насколько его акции растут в глазах Дикки и Мардж. То, что акции росли, было очевидно по выражению их лиц.

Взбираться по склону к дому Дикки было на этот раз вдвое легче. На террасе вкусно пахло жареной курицей. Дикки приготовил мартини. Том принял душ, потом то же самое сделал Дикки, после чего налил себе, как и в первый раз, выпить, но сейчас атмосфера была совершенно другая.

Дикки сел в плетеное кресло и перекинул ногу через подлокотник.

– Скажи, Том, – улыбаясь, спросил он, – чем ты занимаешься? Ты говорил, что хотел бы устроиться на работу.

– Зачем тебе это? Можешь что-то мне предложить?

– Вроде бы нет.

– Ладно, скажу. Я много чего умею: могу быть швейцаром, присматривать за детьми, работать бухгалтером. К несчастью, у меня талант на цифры. Как бы я ни был пьян, официанту меня ни за что не обсчитать. Могу подделывать подписи, управлять вертолетом, играть в кости, изображать других людей – практически кого угодно, могу стряпать. Могу заменить в ночном клубе заболевшего артиста. Продолжать?

Подавшись вперед, Том загибал пальцы, перечисляя свои способности. Он и вправду мог бы продолжить перечисление.

– А что значит – заменить артиста? – спросил Дикки.

– Ну… – Том вскочил на ноги. – Да вот, например. – Он выставил вперед ногу, а руку положил на бедро. – Английская леди знакомится с американской подземкой. Она и в лондонской-то никогда не была, но хочет увезти из Америки хоть какие-то впечатления.

Том изобразил эту леди – как она ищет монету, пытается опустить ее в автомат, но монета не влезает в щель, тогда она покупает жетон, задумывается, по какой лестнице лучше спускаться, выражает недовольство тем, что в метро так шумно, долго едет в вагоне, а потом пытается выбраться наверх, – тут Мардж непонимающе взглянула на Дикки, и он сказал ей, что это англичанка в подземке, но Мардж по-прежнему ничего не понимала и лишь переспросила: «Что?» – затем леди ткнулась в дверь, за которой оказался мужской туалет, и едва она это, к своему ужасу, осознала, как упала в обморок.

– Замечательно! – аплодируя, воскликнул Дикки.

Мардж не смеялась. Она выглядела немного растерянной. Растолковывать ей, в чем дело, никому из них не хотелось. Но она не производит впечатления человека, у которого не все в порядке с чувством юмора, подумал Том.

Том залпом выпил свой мартини, ужасно довольный собой.

– Как-нибудь я покажу тебе другую сценку, – сказал он Мардж, и сделал это главным образом затем, чтобы Дикки знал, что в запасе у него есть еще кое-что.

– Обед готов? – спросил Дикки. – Умираю с голоду.

– Жду, когда будут готовы артишоки. Ты же знаешь эту плиту. Ждешь не дождешься, пока на ней что-то закипит. – Она с улыбкой посмотрела на Тома. – Дикки очень старомоден, Том, особенно в отношении того, с чем ему не приходится иметь дела. Плиту мы топим дровами, и он ни за что не хочет покупать холодильник.

– Это одна из причин, по которой я убежал из Америки, – сказал Дикки. – Все эти штуки – выброшенные деньги в стране, где прислуги пруд пруди. Чем бы Эрмелинда занималась, если бы готовила обед за полчаса? – Он поднялся. – Пойдем, Том, я покажу тебе мои картины.

Дикки повел его в большую комнату, в которую Том мельком заглядывал по дороге в душ. Возле окна в этой комнате стояла длинная кушетка, посередине – большой мольберт.

– Очередной портрет Мардж, над которым я сейчас работаю, – указал он на мольберт.

– Ага, – с интересом проговорил Том.

На его взгляд – да, наверно, и любому бы так показалось, – портрет не удался. Куда-то исчезла ее восторженная улыбка. Кожа красная, как у индианки. Если бы Мардж не была единственной в Монджибелло блондинкой, он вообще бы не увидел никакого сходства.

– А это пейзажи, у меня их много, – весело проговорил Дикки, но в его тоне угадывалась просьба о снисхождении. Ему явно хотелось, чтобы Том похвалил его работы, потому что сам он ими определенно гордился.

Пейзажи были на удивление похожи один на другой – мазки размашистые, торопливые. Почти на каждом полотне цвет электрик сочетался с терракотовым – терракотовые крыши и горы и яркие моря цвета электрик. Он и глаза Мардж сделал голубыми.

– Мои пробы в сюрреалистической манере, – сказал Дикки, ставя на колено еще одно полотно.

Том содрогнулся, точно ему сделалось неловко за себя. На картине снова была Мардж, на этот раз с длинными змеевидными волосами, и, что еще хуже, в одном ее глазу был изображен миниатюрный пейзаж Монджибелло с домиками и горами, в другом – пляж с множеством красных человечков и линией горизонта.

– Вот это мне нравится, – сказал Том.

Мистер Гринлиф был прав. И все же у Дикки было хоть какое-то занятие, удерживавшее его от праздного времяпрепровождения, думал Том, но какое-то занятие было и у тысяч бездарных художников-любителей по всей Америке. Жаль, что и Дикки попал в этот разряд художников, а ему хотелось, чтобы он был лучше.

– Как художник я, конечно, не прославлюсь на весь мир, – сказал Дикки, – но мне ужасно нравится рисовать.

– Да-да. – Тому хотелось забыть и о картинах, и о том, что Дикки рисует. – Можно посмотреть дом?

– Конечно! Ты ведь еще не видел гостиную?

Дикки открыл дверь, ведущую в очень большую комнату с камином, диванами, книжными полками и тремя видами – на террасу, другую сторону дома и сад. Дикки сказал, что летом он не пользуется этой комнатой, ему нравится держать ее про запас на зиму ради разнообразия. Это скорее книгохранилище, чем гостиная, подумал Том, что очень его удивило. До сих пор он принимал Дикки за не очень-то мозговитого молодого человека, бо?льшую часть времени проводившего в праздности. Кажется, он был не прав. Но в одном он не ошибался: Дикки сейчас не очень-то весело и нужно, чтобы кто-то его развлекал.

– А наверху что? – спросил Том.

Наверху его ждало разочарование: спальня Дикки в углу дома, над террасой, была почти пуста – кровать, комод и одинокое кресло-качалка, которое казалось здесь лишним. В трех других комнатах на втором этаже мебели и вовсе не было или, лучше сказать, почти не было. В одной лежали дрова для камина и обрывки холста. Признаков обитания Мардж нигде не наблюдалось, и меньше всего – в спальне Дикки.

– Не хочешь ли как-нибудь съездить со мной в Неаполь? – спросил Том. – По пути сюда я не успел как следует его осмотреть.

– Можно, – ответил Дикки. – Мы с Мардж как раз собираемся туда в субботу. Почти каждую субботу мы ужинаем в Неаполе, а на обратном пути позволяем себе прокатиться в такси или в carroza.[12 - Наемный экипаж (ит.).] Поедем.

– Я-то имел в виду – днем или в будний день, чтобы я смог побольше увидеть, – сказал Том, никак не рассчитывавший, что к экскурсии присоединится и Мардж. – Или вы целыми днями рисуете?

– Нет. По понедельникам, средам и пятницам ходит двенадцатичасовой автобус. Хочешь, можем поехать завтра.

– Согласен, – сказал Том, хотя и не был уверен, что Мардж не поедет вместе с ними. – А Мардж католичка?

– Еще какая! Была обращена в католическую веру полгода назад одним итальянцем, в которого влюбилась по уши. Вот был мастер поболтать! Он катался на лыжах и повредил ногу, после чего провел тут несколько месяцев. Потеряв Эдуардо, Мардж утешает себя тем, что исповедует его религию.

– Мне казалось, она любит тебя.

– Меня? Что за глупости!

Когда они вышли на террасу, обед был готов. На столе были даже горячие хлебцы, которые Мардж намазала маслом.

– Ты знаешь Вика Симмонса из Нью-Йорка? – спросил Том у Дикки.

У Вика был салон, где собирались нью-йоркские художники, писатели и танцоры, но Дикки о нем не слышал. Том еще о ком-то спросил, но Дикки и их не знал.

Том думал, что Мардж выпьет кофе и уйдет, но она не уходила. Когда она на минуту покинула террасу, Том спросил:

– Могу я сегодня пригласить тебя на ужин в гостиницу?

– Спасибо. В котором часу?

– В половине восьмого устроит? Успеем выпить по коктейлю. В конце концов, это деньги твоего отца, – добавил Том с улыбкой.

Дикки рассмеялся:

– Отлично! Сначала коктейли, а потом разопьем бутылочку вина. Мардж!

Мардж как раз вернулась на террасу.

– Мы сегодня ужинаем в «Мирамаре» на деньги Гринлифа-отца.

Значит, и Мардж там будет, делать нечего. В конце концов, это деньги отца Дикки.

Ужин в тот вечер проходил в приятной обстановке, но присутствие Мардж не позволяло Тому говорить о тех предметах, о которых он собирался поговорить, лезть же из кожи вон и казаться остроумным только потому, что рядом была Мардж, ему не хотелось. Мардж знала кое-кого из тех, кто сидел в ресторане. После обеда, извинившись, она взяла чашку кофе и пересела за один из столиков.

– Сколько ты здесь пробудешь? – спросил Дикки.

– Не меньше недели, – отвечал Том.

– И все ради того, чтобы… – От выпитого кьянти лицо Дикки раскраснелось, вино привело его в хорошее настроение. – Если останешься дольше, почему бы тебе не перебраться ко мне? Какой смысл жить в гостинице, неужели тебе там нравится?

– Большое спасибо, – сказал Том.

– В комнате прислуги есть кровать, ты ее не видел. Эрмелинда на ней не спит. Если хочешь, можно принести еще кое-что из мебели – она разбросана по всему дому.

– Это было бы неплохо. Между прочим, твой отец дал мне шестьсот долларов на расходы, и у меня осталось около пятисот. Мы могли бы на них вместе повеселиться.

– Пятьсот долларов! – воскликнул Дикки, как будто ему никогда в жизни не приходилось иметь дело с такими деньгами. – Да мы можем купить машину!

Идея с машиной Тому не очень понравилась, и он не стал ее развивать. Он бы предпочел развлекаться по-другому, например слетать в Париж. Тут он увидел, что Мардж возвращается к их столику.

На следующее утро он перебрался к Дикки.

Вместе с Эрмелиндой Дикки перенес в одну из верхних комнат шкаф и пару стульев, а к стенам прикрепил несколько репродукций мозаичных портретов из собора Святого Марка. Том помог Дикки перенести из комнаты прислуги узкую железную кровать. К полудню они закончили, чувствуя легкое головокружение от фраскати, к которому то и дело прикладывались, когда носили мебель.

– Так мы едем в Неаполь? – спросил Том.

– Конечно.

Дикки посмотрел на часы.

– Еще без четверти. Успеем на двенадцатичасовой автобус.

Они захватили с собой только пиджаки и чековую книжку Тома. Автобус приближался к остановке, когда они подошли к почте. Они стояли у дверей, пропуская выходящих из автобуса пассажиров, как вдруг Дикки лицом к лицу столкнулся с молодым рыжеволосым американцем в яркой спортивной рубашке.

– Дикки!

– Фредди! – воскликнул Дикки. – Как ты здесь оказался?

– Приехал тебя проведать! А заодно и Чекки. Они согласились приютить меня на несколько дней.

– Ch’elegante![13 - Блеск! (ит.)] А я еду в Неаполь со знакомым. Том!

Дикки дал знак Тому подойти поближе и познакомил их.

Американца звали Фредди Майлз. Тому он страшно не понравился. Том терпеть не мог рыжих, особенно тех, у кого морковно-красные волосы, белая кожа и веснушки. У Фредди были большие карие глаза. Казалось, они болтаются у него в голове то ли потому, что он косой, то ли потому, что он не смотрел на того, с кем разговаривал. К тому же он был толстоват. Том отвернулся и стал ждать, когда Дикки закончит разговор. Том заметил, что они задерживают автобус. Разговор шел о лыжах, и они договаривались встретиться в декабре в городе, о котором Том никогда не слышал.

– Ко второму числу нас в Кортине соберется человек пятнадцать, – говорил Фредди. – Отличная компания, как в прошлом году. Останемся на три недели, если денег хватит!

– Если нас самих хватит! – сказал Дикки. – До вечера, Фредди.

Том вошел в автобус вслед за Дикки. Свободных мест не было, и они протиснулись между костлявым мужчиной, от которого пахло потом, и парой старых деревенских женщин, от которых пахло еще хуже. Когда они выезжали из деревни, Дикки вдруг вспомнил, что Мардж, по обыкновению, придет к обеду, потому что накануне они решили, что из-за переезда Тома посещение Неаполя придется отложить. Дикки крикнул водителю, чтобы тот остановился. Автобус

заскрипел тормозами и замер. Пассажиры, потеряв равновесие, повалились друг на друга. Дикки высунулся в окно и закричал: «Джино! Джино!»

Маленький мальчик, стоявший на дороге, бросился к автобусу и выхватил из рук Дикки купюру в сто лир. Дикки что-то сказал ему на итальянском, мальчик ответил: «Subito, signor!»[14 - Сию минуту, синьор! (ит.)] – и побежал по дороге. Дикки поблагодарил водителя, и автобус тронулся дальше.

– Я попросил его сказать Мардж, что мы вернемся сегодня, но, наверное, поздно, – пояснил Дикки.

– Хорошо.

Они выбрались из автобуса на большой, оживленной площади Неаполя. Их тотчас окружили торговцы с ручными тележками, полными винограда, инжира, сластей, арбузов. Юноши наперебой предлагали авторучки и механические игрушки. Дикки решительно двинулся вперед.

– Я знаю одно приятное местечко, где можно пообедать, – сказал он. – Настоящая неаполитанская пиццерия. Ты любишь пиццу?

– Да.

Пиццерия находилась на улочке настолько узкой и крутой, что машины по ней не ездили. В проеме двери висела гирлянда бус, на каждом столе – всего их было шесть – стоял кувшин с вином. В подобных заведениях сидят часами и неторопливо потягивают вино. Они просидели до пяти часов, когда Дикки сказал, что пора идти в галерею. Он извинился, что не ведет Тома в музей, где хранятся подлинные картины да Винчи и Эль Греко, но сказал, что они увидят их в следующий раз. Почти весь день Дикки говорил о Фредди Майлзе, но Тому его рассказ показался таким же неинтересным, как и лицо Фредди. Отец Фредди владел сетью гостиниц, а сам он был драматургом – мнимым, решил Том, ибо Фредди написал всего две пьесы и ни одна из них так и не увидела Бродвея. У Фредди был дом в Кань-сюр-Мер. До приезда в Италию Дикки жил там несколько недель.

– Я очень люблю, – поделился Дикки с Томом, когда они ходили по галерее, – сидеть за столиком и смотреть на проходящих мимо людей. После этого и на

жизнь смотришь как-то по-другому. Англосаксы совершают большую ошибку, когда сидят за столиком и не обращают внимания на прохожих.

Том кивнул. Такое ему уже приходилось слышать. Он ждал, что Дикки скажет что-то глубокое и оригинальное. Дикки был красивым молодым человеком с необычной внешностью. У него было длинное лицо с четко очерченными чертами, умные глаза, и держался он всегда уверенно, независимо от того, во что был одет. На этот раз на нем были поношенные сандалии и довольно замызганные белые брюки, но он сидел с таким видом, будто был владельцем галереи. Когда официант принес кофе, он поболтал с ним по-итальянски.

– Чао! – крикнул он проходившему мимо юноше.

– Чао, Дикки!

– По субботам он меняет дорожные чеки Мардж, – пояснил Дикки Тому.

Хорошо одетый итальянец приветствовал Дикки горячим рукопожатием и подсел к ним за столик. Том прислушался к их разговору на итальянском языке, но разобрал только отдельные слова. Наконец Том почувствовал, что его одолевает усталость.

– Хочешь поехать в Рим? – неожиданно спросил Дикки.

– Конечно, – ответил Том. – Сейчас?

Он поднялся, чтобы достать деньги и расплатиться по счету, который официант подсунул под чашку.

У итальянца был длинный серый «кадиллак» с жалюзи на окнах, гудком на четыре тона и включенным на всю громкость радио. Дикки и Том сделали вид, что перекрикивать его доставляет им удовольствие. До предместья Рима они доехали часа за два. Когда они оказались на Аппиевой дороге,[15 - Аппиева дорога – древнеримская дорога между Римом и Капуей.] Том принялся смотреть по сторонам. Итальянец сказал, что выбрал этот путь ради него, потому что раньше Том здесь не бывал. Местами дорога была очень тряской. Итальянец объяснил, что кое-где специально оставили участки дороги, на которых видны

булыжники, уложенные древними римлянами. Поля справа и слева казались Тому безлюдными и были похожи в сумерках на древние кладбища с несколькими могилами и обломками памятников. Итальянец высадил их посреди какой-то улицы в Риме и попрощался.

– Ему некогда, – сказал Дикки. – Должен встретиться с подружкой и успеть смыться до одиннадцати, пока муж не пришел. Вон мюзик-холл, он-то нам и нужен. Пошли.

Они купили билеты на вечернее представление. До начала оставался еще час, и они отправились на Виа Венето, сели за столик возле одного из кафе и заказали коктейли «американос». Том обратил внимание на то, что Дикки никого не знал в Риме или, во всяком случае, никого из тех, кто прошел мимо, а мимо их столика прошли сотни итальянцев и американцев. Тома представление не увлекло, хотя он изо всех сил старался сосредоточить на нем свое внимание. Дикки предложил уйти, пока оно не кончилось. Они наняли экипаж и поехали по городу, мимо фонтанов, через Форум, вокруг Колизея. Взошла луна. Тома клонило ко сну, но впечатления от пребывания в первый раз в Риме настраивали его на благодушный лад, и, несмотря на сонливое состояние, он старался ничего не выпустить из виду. Том положил ногу, обутую в сандалию, себе на колено и, взглянув на Дикки, увидел – точно отражение в зеркале, – что и Дикки устроился точно так же. Они были одного роста, примерно одного веса – Дикки, пожалуй, чуть потяжелее, – носили халаты, носки и рубашки одного размера.

– Благодарю вас, мистер Гринлиф, – почему-то сказал Дикки, когда Том расплатился за поездку в экипаже, и Тому стало немного не по себе.

К часу ночи, выпив на двоих полторы бутылки вина за ужином, они пришли в чудесное расположение духа. Обняв друг друга за плечи, они громко распевали песни и, повернув за угол какого-то дома, наткнулись в темноте на девушку и случайно сбили ее с ног. Они с извинениями помогли ей подняться, после чего предложили проводить ее домой. Она была против, они, обступив ее с двух сторон, настаивали. Девушка говорила, что ей нужно успеть на какой-то трамвай. Дикки и слушать об этом не хотел. Он остановил такси. Дикки с Томом устроились на откидных сиденьях, обхватив друг друга за плечи, как это делают лакеи, сопровождающие повозку. Дикки вовсю развлекал девушку. Том понимал почти все, что говорил Дикки. Они помогли ей выйти на улочке, которая была очень похожа на неаполитанскую, она сказала: «Grazie tante!»[16 - Большое спасибо! (ит.)] – и попрощалась с каждым за руку, после чего исчезла в темном

дверном проеме.

– Ты слышал? – спросил Дикки. – Она сказала, что мы самые замечательные американцы, которых она встречала в жизни!

– А знаешь, что бы с ней сделал в подобной ситуации какой-нибудь американский негодяй? Изнасиловал бы ее, – сказал Том.

– Интересно, куда мы попали? – осмотревшись, спросил Дикки.

Ни тот ни другой не имели ни малейшего представления о том, где они оказались. Они прошли несколько кварталов, но не увидели ни какой-либо достопримечательности, ни знакомой улицы. Помочившись возле темной стены, они побрели дальше.

– Рассветет – узнаем, где мы, – бодро проговорил Дикки. Он посмотрел на часы. – Часа два у нас еще есть.

– Вот и хорошо.

– Вообще-то, приятно провожать девчонку домой, а? – спросил Дикки, покачиваясь.

– Ну да. Мне девчонки нравятся, – сказал Том и прибавил: – А наверно, хорошо, что Мардж сегодня нет. Будь Мардж с нами, мы бы эту красотку проводить не смогли.

– Ну не знаю, – задумчиво проговорил Дикки. Он посмотрел на свои ноги, нетвердо стоявшие на земле. – Мардж не…

– Я только хотел сказать, что, если бы Мардж была здесь, нам пришлось бы искать на ночь гостиницу. Так бы и проторчали в гостинице, и ночной Рим не увидели бы!

– Ты прав! – Дикки положил ему руку на плечо.

* * *

Дикки грубо потряс его за плечо.

С криком «Дикки!» Том попытался высвободиться и схватить его за руку. Открыв глаза, Том увидел перед собой полицейского.

Том приподнялся. Он был в парке. Наступил рассвет. Дикки сидел рядом с ним на траве и преспокойно беседовал с полицейским на итальянском. Том нащупал прямоугольную пачку дорожных чеков. Они были при нем.

– Passporti! – набросился на них полицейский, и Дикки снова пустился в спокойные объяснения.

Том понял, что говорил Дикки. Он говорил, что они американцы и паспортов у них с собой нет, потому что они вышли на небольшую прогулку, чтобы полюбоваться на звезды. Тому стало смешно. Он встал и, покачиваясь, принялся отряхиваться. Дикки тоже встал, и они пошли прочь, хотя полицейский продолжал кричать на них. Дикки обернулся и что-то вежливо ему ответил. Полицейский за ними не пошел, и это уже было хорошо.

– А ведь мы и впрямь не внушаем доверия, – сказал Дикки.

Том кивнул. Его брюки были разорваны на колене, – наверное, он упал и порвал их. На них была мятая одежда, грязная от травы и пота, они дрожали от холода. Они зашли в первое попавшееся кафе, выпили caffe latte[17 - Кофе с молоком (ит.).] со сладкими булочками и несколько рюмок итальянского бренди. Оно было отвратительно на вкус, но согрело их. Они пили бренди и смеялись, потому что опять опьянели.

В одиннадцать часов они уже были в Неаполе и успели на автобус, отправлявшийся в Монджибелло. Приятно было думать о том, что когда-то можно вернуться в Рим в более приличном виде и осмотреть все музеи, в которые им не удалось попасть, а еще приятно было думать о том, что днем можно поваляться на пляже в Монджибелло и позагорать. Но до пляжа они так и не добрались. Они приняли душ у Дикки в доме и, рухнув на кровати, проспали до тех пор, пока Мардж не разбудила их около четырех часов дня. Мардж была недовольна, потому что Дикки не прислал ей телеграмму, что останется на ночь

в Риме.

– Я вовсе не против того, что ты остался там на ночь, но я думала, что ты в Неаполе, а в Неаполе всякое может случиться.

– Угу, – протянул Дикки, бросив взгляд в сторону Тома. Он подумал, что без «Кровавой Мэри» никому из них сейчас не обойтись, и принялся смешивать напитки.

Том молчал. Он решил сохранить в тайне то, что они делали накануне, и не собирался ничего рассказывать Мардж. Пусть думает что угодно. Дикки и так дал понять, что они отлично провели время. Том заметил, она недовольна, что у него похмелье, что он небрит и снова собирается выпить. Когда Мардж была серьезна, в ее глазах, несмотря на простую одежду, растрепанные волосы и внешний вид скаута, появлялось выражение умудренного опытом человека. Вот и сейчас она скорее напоминала мать или старшую сестру; женщины всегда недовольны тем, как ведут себя маленькие мальчики и взрослые мужчины, – они только тем и занимаются, что вредят себе. О-ля-ля! А может, она ревнует? Похоже, она понимала, что за последние сутки Дикки сблизился с Томом больше – просто потому, что тот тоже был мужчиной, – чем могла сблизиться с ним она, независимо от того, любил он ее или нет, а ведь он ее не любил. Спустя несколько минут она, впрочем, отошла и снова стала сама собой. Дикки оставил Тома с Мардж на террасе. Том спросил ее о книге, которую она писала. Мардж ответила, что это книга о Монджибелло, а снимки она делала сама. Мардж рассказала, что родилась в штате Огайо и показала ему фотографию семейного дома, которую всегда носила с собой в портмоне. Обыкновенный, обшитый досками дом, но все же свой, прибавила Мардж с улыбкой. Тому показалось забавным, что несколько минут назад она уже произнесла слово «доска», выговаривая Дикки: «Ты же пьян в доску!» У нее ужасная речь, подумал Том, что слова, что произношение. Он постарался быть с ней как можно более любезным, потому что мог себе это позволить. Он проводил ее до калитки, и они по-дружески распрощались, но о том, чтобы встретиться всем вместе сегодня или завтра, и слова не было сказано. Было ясно, что Мардж немного сердится на Дикки.

В следующие три-четыре дня они встречались с Мардж только на пляже, но и там она держалась с ними довольно прохладно. Она улыбалась и говорила, пожалуй, даже больше обычного, но ее холодность проявлялась в виде чрезмерной вежливости. Том заметил, что Дикки это беспокоит, хотя и не настолько, чтобы переговорить с ней наедине, а с тех пор, как Том переселился в его дом, он с ней наедине вообще не оставался. Дикки буквально не расставался с Томом.

Наконец, чтобы показать, что Мардж не совсем ему безразлична, Том сказал Дикки, что, как ему кажется, она ведет себя странно.

– У нее часто меняется настроение, – сказал Дикки. – Может, работа ладится. Она не любит общаться, когда у нее хорошо идет работа.

Том решил, что отношения между Мардж и Дикки именно такие, какие ему показались с первого раза. Мардж гораздо сильнее тянулась к Дикки, чем он к ней.

А Том между тем не давал Дикки соскучиться. Он постоянно рассказывал Дикки истории про своих нью-йоркских знакомых – то правдивые, то выдуманные. Они ежедневно катались на яхте Дикки. Об отъезде Тома речь не заходила. Дикки явно нравилось его общество. Том оставлял Дикки в покое, только когда тот рисовал, а сам был готов немедленно бросить свое занятие ради прогулки с Дикки пешком или под парусом или ради того, чтобы просто посидеть с ним и поговорить. Дикки, помимо всего прочего, нравилось и то, что Том всерьез взялся за изучение итальянского языка. Два часа в день Том проводил с учебником и разговорником.

Том написал письмо мистеру Гринлифу, в котором сообщал, что остается у Дикки на несколько дней, и дал знать, что Дикки собирается зимой слетать домой, а там, возможно, ему удастся уговорить Дикки остаться подольше. Это письмо, в котором он писал, что живет в доме Дикки, было гораздо лучше первого, в котором он упоминал, что остановился в гостинице в Монджибелло. Том сообщил, что, когда у него кончатся деньги, он попробует найти работу, например в деревенской гостинице; сказано это было как бы между прочим, чтобы, во-первых, напомнить мистеру Гринлифу, что шестьсот долларов могут кончиться, а во-вторых, что он готов и хочет самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Тому хотелось, чтобы и у Дикки сложилось о нем такое же хорошее впечатление, и потому, прежде чем запечатать письмо, он дал прочесть его

Дикки.

Прошла еще неделя. Погода стояла идеальная, лениво тянулись дни, и самым большим физическим усилием, которое предпринимал Том, был подъем по каменным ступеням, когда они возвращались с пляжа, а самым большим умственным усилием – попытка поговорить по-итальянски с Фаусто, двадцатитрехлетним итальянским юношей, которого Дикки нашел в деревне и нанял давать Тому трижды в неделю уроки итальянского языка.

Однажды они сходили на яхте Дикки на Капри. Капри находился довольно далеко от Монджибелло и с берега не был виден. Том был полон предвкушений, однако Дикки, как с ним не раз случалось, ушел в себя и не желал выражать восторга по какому-либо поводу. Он вступил в перепалку с хозяином пристани по поводу того, где лучше привязать «Пипистрелло», и даже не захотел прогуляться по какой-нибудь из прелестных улочек, отходивших во все направления от площади. Они посидели в кафе на площади и выпили пару «Ферне-Бранка»,[18 - «Ферне-Бранка» – настойка, названная по имени ее изобретательницы, Марии Бранка (1845).] после чего Дикки захотелось, пока не стемнело, домой, хотя Том готов был заплатить за гостиницу, лишь бы Дикки согласился остаться на ночь. Том решил, что на Капри они еще побывают, поэтому постарался вычеркнуть этот день и забыть о нем.

Пришло письмо от мистера Гринлифа, разминувшееся с письмом Тома. В нем мистер Гринлиф вновь повторял доводы в пользу возвращения Дикки домой, желал Тому успеха и просил как можно быстрее сообщить о результатах. Том послушно взял перо и ответил. Письмо мистера Гринлифа, как показалось Тому, было выдержано в неприятно деловом тоне, словно речь шла о поставке запчастей к яхтам, и ответить в таком же тоне ему не составило труда. Том писал письмо немного навеселе: дело было как раз после обеда, а после обеда они всегда были навеселе – чудесное состояние, которое можно быстро исправить, выпив пару чашечек кофе и прогулявшись, или продлить, выпив еще один бокал вина. После обеда они всегда потягивали вино, стараясь найти себе какое-нибудь занятие. Том ради развлечения внес в письмо слабую надежду. Писал он в манере мистера Гринлифа:

«…Если я не ошибаюсь, Ричард не тверд в своем решении остаться здесь еще на одну зиму. Как я Вам и обещал, я предприму все, что в моих силах, чтобы разубедить его оставаться здесь на зиму, и в свое время – хотя это может

случиться не ранее Рождества – я, вполне вероятно, смогу уговорить его остаться в Штатах, когда он туда приедет».

Том с улыбкой писал эти строки, потому что в это же время они с Дикки говорили о том, что зимой хорошо бы прокатиться вокруг греческих островов, а Дикки отказался лететь домой даже на несколько дней, если только его матери не станет хуже. Они говорили еще и о том, что январь и февраль, два самых скверных месяца в Монджибелло, неплохо было бы провести на Майорке. Том был уверен, что Мардж с ними не поедет. Обсуждая будущие поездки, они с Дикки исключили Мардж из своих планов, хотя Дикки и оплошал, сообщив ей, что зимой он с Томом куда-нибудь съездит. Дикки такой открытый, черт его побери! А теперь, хотя Том и знал, что Дикки твердо решил, что едут они вдвоем, Дикки был более обычного внимателен к Мардж, вероятно, потому, что понимал: одной ей будет здесь скучно и с их стороны очень некрасиво не пригласить ее с собой. Дикки с Томом попытались смягчить ее огорчение, представив дело так, что вокруг Греции они будут путешествовать наихудшим, самым дешевым способом, в судах, перевозящих скот, спать будут вместе с крестьянами на палубе и всякое такое, – в общем, путешествие не для девушки. Но Мардж все равно расстроилась, и Дикки постарался почаще приглашать ее к себе на обед и ужин. Иногда, когда они, возвращаясь с пляжа, поднимались в гору, Дикки брал Мардж за руку, хотя Мардж не всегда позволяла ему это делать. Подчас она вырывала руку сразу же, притом делала это так, что Дикки казалось, что ей до смерти хочется, чтобы он снова взял ее за руку.

А когда они предложили ей поехать вместе с ними в Геркуланум, она отказалась.

– Я лучше останусь дома. А вы, мальчики, развлекитесь, – сказала она и попыталась весело улыбнуться.

– Ну не хочет, и не надо – сказал Том Дикки и тактично удалился к себе, чтобы они, если им этого захочется, могли побеседовать с Мардж на террасе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19405295&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Сельдерей под майонезом (фр.). – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Подразумевается картина английского художника Томаса Гейнсборо «Голубой мальчик» (около 1770 года).

3

Сорт красного вина.

4

Элеонора Рузвельт, супруга президента США Франклина Рузвельта, вела в одной из газет колонку под названием «Мой день».

5

Саймон Легри – в романе Г. Э. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» – рабовладелец, забивший плетьми негра Тома.

6

«Почта» (ит.).

7

Все время вле-е-е-во, вле-е-е-во! (ит.)

8

Спасибо (ит.).

9

Летучая мышь (ит.).

10

Горгонзола – сорт овечьего сыра.

11

За неимением лучшего (фр.).

12

Наемный экипаж (ит.).

13

Блеск! (ит.)

14

Сию минуту, синьор! (ит.)

15

Аппиева дорога – древнеримская дорога между Римом и Капуей.

16

Большое спасибо! (ит.)

17

Кофе с молоком (ит.).

18

«Ферне-Бранка» – настойка, названная по имени ее изобретательницы, Марии Бранка (1845).

Купить: https://tellnovel.com/ru/patriciya-haysmit/talantlivyy-mister-ripli-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить